

ОЛЕГ МУХИН

ЧЕЛОВЕК: 1. ТЕОРИЯ
БОЛЬШОГО
НАДУВАТЕЛЬСТВА

Олег Мухин

Человек: 1. Теория

большого надувательства

Серия «Человек (Олег Мухин)», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10697606

ООО "Остеон-Пресс"; Ногинск; 2015

ISBN 978-5-85689-041-8

Аннотация

Изобретатель Алекс Сазонов знакомится на пляже с красивой девушкой, которая неожиданно умирает. От расстройства от уезжает за границу, где попадает в сети секретной организации, которая занимается запрещёнными научными исследованиями. После всевозможных приключений, главный персонаж оказывается на борту военного корабля, где размещена тайная лаборатория и собраны учёные со всего мира. Ему удаётся крайне необычным способом сбежать с борта ракетного крейсера. Будучи в Лондоне, он становится свидетелем атомной бомбардировки, разрушившей город, но благодаря качествам, приобретённым им в секретной лаборатории, он остаётся жив. Всё человечество погибло в огне армагеддона, но новая цивилизация неолудей возрождается из пепла. Однако эта цивилизация, кажется, ещё более несчастной, чем бывшее человеческое общество...

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	18
3	35
4	55
5	73
6	95
7	109
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Олег Мухин

Человек: 1. Теория большого надувательства

Часть первая Тело

Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг.

Глава 3, стих 17

И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло.

Откровение Иоанна Богослова

Глава 21, стих 4

1

Он лежал на тёплом ярко-жёлтом песке, один, выбрав это безлюдное место, дикий пляж, чтобы немного отдохнуть от города, его бесконечного шума, постоянного отравляющего

запаха бензина, ото всех сумасшедших, которые его окружали.

Возвращаться в город ему не хотелось. Солнце жгло в спину, тихая волна, накатывающая на берег, убаюкивала, и сквозь сонливую дремоту он думал о ничтожности человека – мысленно представил себя со стороны, с высоты птичьего полёта, букашку, распростёртую там, внизу, у кромки моря.

Потом он попытался – в который раз! – вообразить бесконечность и – в который раз! – не смог её объять, сознание упиралось в спиральные серебристые галактики, шаровидные скопления, проваливалось в «чёрные дыры», дальше шла кромешная тьма и неизвестность. Он попробовал представить, как всё начиналось. Пугающая чернота космоса: ни звёздочки, ни светлого пятнышка – эдакий необъятный чёрный квадрат

Малевича, и вдруг ярчайшая ослепляющая вспышка, гигантский взрыв – BIG BANG! – , и колоссальное количество только что родившегося вещества вселенной разлетается во все стороны пустоты...

Чайки редко, почти по-человечьи, вскрикивали, жужжали насекомые; он почувствовал, как тело, раскалившись, даёт о себе знать мозгу – пора, мол, что-то делать, перегрев. Он собрался уже перевернуться, когда услышал шум подъезжающей, скорее даже подкрадывающейся, машины. В ста метрах от того места, где он жарился на солнце, на прибрежный песок выкатился белый автомобиль. Он подумал: «Чёрт! Ка-

кая-то напасть! Стоило столько времени ехать на автобусе и ещё потом тащиться пешком, чтобы этот придурок на лимузине тоже припёрся сюда?! С ума можно сойти!»

Он встал, стряхнул налипший песок с колен, подтянул плавки, поправил на переносице солнцезащитные очки и двинулся в сторону непрошеного гостя. Это была новенькая белоснежная «шарлотта». Он просто залюбовался ею – умеют, сволочи, делать! Но её владелец ошарашил его гораздо больше, словно на его раскалённое тело вылили бочку ледяной воды. «Придурком» оказалась великолепно сложенная высокая блондинка, которая вылезла из своего блестящего неземного аппарата и уставилась на подошедшего немного испуганными большими голубыми глазами. По-видимому, она тоже не рассчитывала встретить здесь кого-либо.

Она ещё не сказала ему ни слова, а он уже по уши влюбился. Он зачарованно рассматривал её, не веря, что такое совершенство могла создать природа. Она была почти голая, только тонкая треугольная полоска материи на бёдрах – трусики. Большие торчащие груди, пухлые алые губы, шоколадная гладкая кожа, потрясающе длинные ноги. Модель-искусительница, как будто сошедшая со страниц журнала «Girlfriend». Только тамошние красотки были картинками-фотографиями, а эта – настоящей, живой. Им овладело желание быть с ней, быть в близких отношениях, любить её, ласкать, насладиться ею и насладить её. Он так откровенно смотрел на неё, что она не выдержала и потянулась за платьем, нахо-

дящимся в автомобиле. Он подумал: «Да она ещё и стесняется!», а вслух сказал: «Простите, я напугал вас. Не бойтесь, я не причиню вам зла». И улыбнулся. Её голос прозвучал как флейта. «Кто вы?» – спросила она...

Он сидел на мягком сиденье машины и силился привести в порядок мысли. Такого с ним не было никогда в жизни. Он влюбился в неё с первого взгляда. И, самое замечательное, – похоже, ей он тоже понравился. Ведь он был недурён собой: мужественное лицо, подкаченная мускулатура. С первого мгновения их встречи он старался вести себя с очаровательной незнакомкой предельно внимательно, боясь неосторожным словом или действием порвать тонкую ниточку, соединявшую их. Он весь напрягся, сжался, мозг работал на полную катушку. Он был подобен сапёру, разряжающему мину неизвестной конструкции.

И потихоньку её испуг развеялся, через каких-нибудь полчаса они уже были, казалось, друзьями. Но это лишь казалось. Что-то печалило её, что-то она не договаривала. Смеясь над его шутками, она вдруг как-то странно замолкала, её глаза тускнели. Он не расспрашивал её о личном, не лез в её приватную жизнь, он только спросил, как её зовут. Она ответила: «Натали». Это было его любимое женское имя! Он говорил с ней о море, о чайках, кричащих как дети, о книгах и фильмах, которые она любит – она любила тех же авторов и тех же актёров, что и он! – рассказывал о себе. И он почувствовал, что она благодарна ему за то, что он не задавал во-

просов, на которые она не хотела бы отвечать. Они купались и загорали, они устроили маленький «пикник на обочине» из тех скудных продуктов, что были у него, и тех изысканных и дорогих, что привезла она. И когда огромное солнце поостыло и стало падать за горизонт, и вроде бы подошло время расставаться, он не удивился её предложению подвезти его до города. Он натянул джинсы и футболку, закинул свою дорожную сумку на заднее сиденье автомобиля, а сам удобно устроился на переднем рядом с ней...

Он пытался привести мысли в порядок и не мог. В голове была путаница. Эта женщина разрушила одним махом его мирок, заставила перестать думать исключительно о себе, накопившихся проблемах. Она потащила его за собой, и он послушно повиновался, боясь потеряться и упустить её. Конечно, они были друг другу не ровня. В социальном смысле. Она принадлежала иному обществу, другому классу. Он прекрасно понимал непредсказуемость развития ситуации. И хотя он абсолютно не знал расстановки фигур, не имел никакого понятия о правилах игры, тем не менее, игра его захватила, увлекла, он кинулся в неизвестность. Он сидел на переднем сиденье «шарлотты» со смешанными чувствами, растерянный и бодрый одновременно, и осознавал, что со стороны, наверное, он смотрится довольно глупо.

В сгущающихся сумерках по пыльной просёлочной дороге она сосредоточенно вела машину, притормаживая на поворотах. Гравий отскакивал от колёс и бил в днище. Она на-

жала на кнопку магнитофона. Салон наполнился изумительным гитарным соло, удивительно знакомым. Он послушал ещё немного. Эту вещь он прекрасно знал. Бесспорно это она. Он представил, как Джил, чуть прикусив нижнюю губу и залитый синим светом прожектора, мягко перебирает струны. Он произнёс: «Боже! Ты любишь «Финк Плой»!» Она не ответила, а лишь улыбнулась. Он всё больше и больше поражался – она и музыку любила такую же, как он! она подходила ему во всём, она была его мечтой, ни с кем из женщин он не чувствовал себя так хорошо, она понимала его с полуслова. «Так не бывает в реальной жизни, – подумалось ему. – Может, я грежу?» За окном проносились темнеющие деревья, луна уже светила вовсю. Они оба молчали, слушали музыку, думали каждый о своём. Они возвращались в вонь, в бардак, в, сумасшедший дом, но он забыл об этом.

Они выехали на асфальтированное шоссе, когда город засыпал. На автостраде практически не было машин. Неоновые лампы освещали дорогу противным розово-оранжевым светом. Она не спросила, где его высадить, и он внутренне возликовал – он боялся этого вопроса и был рад, что игра продолжается. Она понимала, что белые фигуры у неё. Она задавала тон в игре, и она приняла решение. Она повернула руль влево, они ещё минут сорок петляли по городу, направляясь в один из его спальных районов.

– Ты не спросила, где мне выходить.

– А ты хотел, чтобы спросила?

– Нет.

– Как бы ты поступил, если бы я высадила тебя?

– Покончил жизнь самоубийством, – ответил он и рассмеялся.

Она направила «шарлотту» к девятиэтажному жилому дому, и он понял, что именно здесь она живёт. Дом спал, почти все окна были черны, и только кое-где горел свет, в том числе и на лестничных пролётах. Никто не выглянул в окно, никому не было никакого дела до подъехавшей машины.

– Вот мы и добрались, – сказала она.

Он вылез из автомобиля, до конца не веря, что это происходит именно с ним. Счастливый, как никогда. Она заперла «шарлотту», набрала код цифрового замка на двери подъезда, взяла его за руку и повела в лифт. В лифте он, наконец, не выдержал, расслабился, он погрузился в её губы, как в ласковое тёплое море. Она отвечала ему взаимностью. Их дорожные сумки лежали на полу. Они долго целовались, гоня лифт то вверх, то вниз.

Её шикарная четырёхкомнатная квартира просто ошарашила его. «Откуда такое богатство? Кто же она, эта загадочная белокурая красавица? Разругалась с мужем-бизнесменом? Или она сама бизнесвумен и есть?» – думал он. Тень смутной печали легла ему на сердце: «Она становится всё ближе и всё недостижимей». Квартира была буквально напигована дорогими фирменными вещами: роскошные гарнитуры, толстые поглощающие звук ковры, домашний кино-

театр, огромные зеркала в золотистых рамах, хрустальные люстры, масса всяческих мелких предметов, делающих твоё пребывание тут уютным и удобным.

Она сказала: «Располагайся, мне нужно позвонить». А он рассматривал уникальную коллекцию бабочек, занимающую всю стену одной из комнат. Здесь были диковинные экземпляры, которых он ни только никогда в жизни вот так вижу, точнее вмертвую, не видел, но и понятия не имел, как они называются. Он заморожено разглядывал ровные ряды засушенных насекомых за стеклом и думал о том, что вот летали они где-то там, в разных экзотических странах по всему миру, и не представляли даже, что когда-нибудь окажутся вместе в этой удивительной квартире у не менее удивительной хозяйки...

Она кормила его на кухне, доставая еду из больших шкафов, которые на самом деле были холодильниками то ли норвежского, то ли немецкого происхождения. Еда была утончённая – всевозможные деликатесы, в том числе икра. Пили они «Companu», вино, создающее во рту вкус блаженства и наслаждения. Он не пил никогда ничего подобного. Насытившись, она занялась посудой, а он пошёл в ванную привести своё тело в порядок. Ванная была тоже верхом технического оснащения; он мылся ароматным мылом под сильной струёй горячей воды...

Лёжа голым на широченной кровати, он с предвкушением ждал, когда выкупается она. Он слышал, как она плескалась,

напевая что-то весёлое. Он лежал и думал, какая странная вещь жизнь. Ещё несколько часов назад он даже представить себе не мог такую ситуацию. Как будто кто-то там, наверху, подкинул ему эту обворожительную красотку, а теперь смотрит вниз и посмеивается. И вдруг его в одно мгновение бросило в жар, он покрылся липким потом. Внезапно его спутанные мысли и чувства пришли в порядок, встали на свои места, и он с дикой безнадёжностью понял, что означает вся эта карусель.

Его просто провели как ребёнка. Удивительное совпадение и ничтожная вероятность – то, что она приехала именно в ту точку на берегу, где находился он, – вот первое сомнительное звено загадочной цепи. Она практически не спрашивала его ни о чём; похоже, ей и спрашивать-то не было никакой необходимости. Потом тот факт, что её вкусы полностью совпадали с его предпочтениями. И, наконец, звонок, как только они вошли в квартиру. Вот-вот те, кому она звонила, должны приехать. У него совсем нет времени. Кто они такие? Разумеется, либо КГБ – или как там они сейчас себя называют?: эфэсбэшники – либо бандиты. Либо те и другие в одном лице. Может быть, ещё кто-то? Какая к чёрту разница?! Скорее всего, они узнали о его маленькой тайне, которую он так тщательно скрывал от окружающих. «Что же теперь им от меня нужно?» – лихорадочно размышлял он.

Он лежал остолбенело на тёмно-синих простынях, не в силах пошевелиться, его как бы парализовало. Смотрящий с

потолка человек, зеркальное отражение его самого, казался незнакомцем. Минута проходила за минутой, а он не находил никакого решения. И когда она свежая и восхитительно пахнущая, с уже высушенными феном волосами и слегка подкрашенными глазками, такая желанная и соблазнительная, в тончайшем

полупрозрачном халатике, с милой улыбкой на губах появилась в дверном проёме, он решил, будь, что будет, плевать на всех и вся. Он изобразил на лице восторг настолько, насколько получилось, и игра продолжилась.

– У тебя не было в роду негров? – смеясь, спросил он.

– Ты имеешь в виду мои волосы? – вопросом на вопрос ответила она. Он утвердительно кивнул.

– Да, ты прав, я не использую спиральные бигуди, волосы у меня такие от природы, но насколько я знаю, ни негров, ни евреев в нашем роду не было. Хотя... лучше было бы спросить об этом у моей мамочки. Знаешь, ты поразительно наблюдателен. Хочешь их потрогать?

Он уловил сумасшедший блеск в её голубых глазах, халатик сполз с плеча, и они занялись любовью. Ему никогда в жизни не было так хорошо. Они познавали друг друга, они наслаждались своими телами, словно до этого они уже жили какое-то время вместе и выяснили в деталях, что кому доставляет удовольствие. Они постепенно меняли варианты и с животной радостью осуществляли их. Страсть поглотила их. Она постанывала и повизгивала, а он шептал ей самые

ласковые слова и целовал её тело.

Подустав от любви и нежности, они сделали перерыв, решили восстановить силы.

– Я всегда испытываю зверский голод после этого, – сказала она и притащила прямо в постель бутылку вина и съестные припасы. В неярком свете ночника она выглядела довольной. Ничего почему-то не происходило: никто не появился, никто не набросился на него, не заломил руку, не ударил в пах, не потребовал выполнения каких-то условий.

Развалясь в самой раскованной позе и жуя бутерброд с икрой, она спросила:

– Послушай, что это у тебя вот здесь?

И, рассмотрев получше, воскликнула:

– Надо же! Треугольник! Ты, как Рогбачёв, отмечен богом!

Действительно, в верхней части на левой ноге у него имелись три крупные коричневые родинки, расположенные так близко друг к другу, что образовывали равносторонний треугольник, выступая в роли вершин.

– Рогбачёв, или, правильнее будет сказать, Гробачёв, отмечен дьяволом, а я богом. Это мой знак сексуальности, – нахально заявил он, запивая свои слова вином.

Они занялись любовью снова. Неожиданно на него накатил волна блаженства. Каждая клеточка его тела затрепетала от экстаза. Он очутился, казалось, на краю рая. «Помоему, она что-то подсыпала в вино», – подумал он, чув-

ствуя, как голова перестаёт соображать и начинает кружиться. Обессиленные они распластались на кровати. Больше уже ни на что не было энергии.

– Любимый, – только лишь смогла пробормотать она и с блаженной улыбкой уснула. А он, успев смутно различить цифры на настольных электронных часах – 2:39, погрузился в нервный страшный сон.

Ему приснилась обнажённая, с красивой фигурой женщина, которая не подпускала его близко, держала на расстоянии. Он никак не мог разглядеть её лицо; она постоянно поворачивалась к нему спиной. Он изо всех сил пытался приблизиться к ней, но она невероятным образом ускользала. Казалось, вот-вот и он настигнет её, однако она изворачивалась и исчезала. Чудовищными усилиями он, наконец, смог схватить её за руку. Она резко повернула голову. Он отшатнулся от ужаса. На него уставились налитые кровью глаза вурдалака, длинные острые клыки торчали изо рта. Он отступил, пытаясь убежать, но оступился и упал. Женщина с телом богини и с головой чудовища в прыжке набросилась на него, когтями и клыками вгрызаясь в его горло. Он хотел кричать и не мог, только беззвучно шевелил губами. Зато слышал, как она жадно чавкала его кровью и плотью. И вдруг он с предельным ужасом увидел, что тело отделяется от его головы, перегрызанное горло больше не соединяет их вместе. Он понял, ещё мгновение и он умрёт...

Он проснулся взмокший от пота. Голова раскалывалась от

боли, будто сжатая в тисках. Его тошнило, ему было очень плохо. Шатаясь из стороны в сторону, он слез с кровати. Спотыкаясь и больно ударяясь об углы, кое-как доковылял до туалета, вырвал в унитаз смрадную жидкость. Его рвало ещё и ещё. Он смыл зловонную тёмную блевотину, освежил лицо. Голова кружилась, но чувствовалось некоторое облегчение. «Сука! Накачала меня каким-то дерьмом!» – пронеслось в голове. Он с трудом добрался до кровати, и здесь, наверное, шестым чувством ощутил, что что-то не так. Он включил верхний свет и содрогнулся. Его снова прошиб липкий пот. На кровати, широко раскрыв глаза, лежала она. Она не дышала, она была мертва. Он стоял, пошатываясь, и смотрел, не отрываясь, на неё. Она не подавала никаких признаков жизни...

Впоследствии, многократно мысленно возвращаясь к этому эпизоду и проигрывая его раз за разом, он опять и опять поражался способности своего организма концентрироваться в трудную минуту. Он отлично помнил, что в тот момент сознание прояснилось, и мозги заработали, как точно отлаженный механизм. Он взглянул на электронные часы – они показывали 4:17 утра, значит, он проспал около двух часов, и у него ещё есть время до рассвета. «Пора им появиться», – навязчивая мысль не отпускала. Он тщательным образом проверил у неё пульс на шее и на запястье – даже приложил ухо к груди; убедился, что она действительно бездыханна, и что у неё понизилась температура тела, прошёл в ван-

ную, вымылся под холодной струёй воды, оделся, убрал всё то, что свидетельствовало о его присутствии в квартире, вытер свои отпечатки пальцев, проверил снова, что всё сделал правильно. Надевая обувь в прихожей, он увидел себя в зеркале. Перед ним стоял старик: бледный, осунувшийся, с чёрными кругами под глазами. Он тихо закрыл дверь на английский замок, предварительно обмотав руку носовым платком, по ступенькам спустился на первый этаж, и вот тут он бы застрял, если бы ни его память, которая с феноменальной чёткостью выдала ему цифры, которые она набирала своей рукой, и которые он, оказывается, запомнил. Он набрал комбинацию, дверь мгновенно открылась. «Они меня ждут на улице», – безразлично подумал он. Он вышел в светлеющие сумерки с дорожной сумкой на плече – никого не было – и тогда мысленно вернулся в её квартиру на шестом этаже. Там, на широкой кровати, лежало её тело, великолепное тело молодой женщины по имени Натали, примерно двадцати пяти лет, плоть, созданная кропотливой работой природы, тело, от которого уже не было никакого толку. Он представил, как через несколько дней оно почернеет, а потом его сожрут черви. Он пошёл пешком в центр города. На душе было мерзко и мутно. Над городом всходило солнце.

2

Кроваво-красный «генрих-747» качнул крыльями и всеми своими тоннами плюхнулся на бетон взлётно-посадочной полосы. Я выглянул в иллюминатор – ясный английский день был в самом разгаре. Никакого намёка на туманы, о которых я столько слышал. Может быть, лондонские туманы это ещё один миф, придуманный людьми, в том большом ряду общепринятых несуразностей, что так прочно укоренились в сознании человечества?

Неожиданно голова моя «поплыла», и ранее незнакомое чувство охватило меня. Я как бы мгновенно трансформировался, перешёл в иное состояние. Я вдруг остро ощутил, что моя сущность, моя личность, моя душа переместилась из всего меня, меня в пределах тела, в меня, ограниченного только мозгом. То есть, проще говоря, моё «я» сжалось до объёма черепной коробки. Я очутился в своей голове, а моё тело стало вроде бы не моим.

Разумеется, я прекрасно понимал – вот оно моё тело, продолжение меня самого, но одновременно же я осознавал, что я как бы помещён в него, и настоящий я, я, как основа себя, нахожусь в головном мозге, а тело в общем-то второстепенно, и если бы оно сделалось другим или меняло бы свою форму пусть даже каждый день, то ничего бы страшного не произошло, я бы в итоге остался самим собой. Я по-новому

посмотрел на свои руки – они были моими руками, руками, с которыми я был знаком с детства, они росли вместе с моим телом, изменялись, я привык к ним, досконально изучил их, в конце концов они мне нравились, и в то же самое время это были руки, на которые я глядел со стороны, то есть я стал разделять себя на собственно тело и разум, управляющий телом, живущий в нём.

Такое чувство продолжалось недолго, я опять начал ощущать себя, как и раньше, я вышел из этого состояния, вернулся в более привычный мне мир. Что со мной происходило? Может, у меня всего лишь затекла шея или повысилось внутричерепное давление при посадке?

Между тем, лайнер подрулил к зданию аэропорта, прекратился свист мощных турбин, а пассажиры отстегнули ремни и медленно выбирались наружу. Взяв с багажной полки дорожную сумку, я последовал за ними...

Я стоял в пёстрой разношерстной толпе в очереди на обычные для аэропортов виды контроля, когда невесть откуда взявшаяся пожилая дама нахально встала впереди меня. По-видимому, она прилетела тем же рейсом, что и я, но почему-то в самолёте я её не заметил или просто не обратил внимание. Люди, стоявшие вокруг, говорили на нескольких языках, однако, естественно, преобладал английский. Очередь продвигалась небыстро. Скуки ради я встал немного сбоку, чтобы получше рассмотреть эту даму.

Зрелище не доставляло удовольствия. Женщина была что

называется старухой. Желтовато-серая дряблая кожа напоминала скорее жабью кожу, чем человеческую. Бесчисленное количество морщин, прорезавших её лицо во всех направлениях, придавало ему отталкивающее выражение. Грубые складки, мешки под глазами, коричневые старческие пигментные пятна делали лицо похожим на маску. Ничего кроме отвращения оно у меня не вызывало.

А ведь когда-то стоящая передо мной особа, наверняка, была очень красивой, когда-то она была таким ангелочком, чудесным цветком жизни, которым восхищались окружающие. В неё влюблялись мужчины, она была желанной. Неумолимое время разрушило её красоту. Незаметно, подобно радиоактивности, старость накапливалась в клетках тела, превратив её в ходячую смерть. От бывшей девочки остались лишь глаза, да и те потускнели и ослепли. Золото в ушах, искусственный цвет волос, косметика не только уже не украшали её, наоборот, создавали жуткий вид. Разумеется, мне и раньше неоднократно приходилось сталкиваться со старыми людьми, но именно в тот момент я как-то особенно выпукло почувствовал отвращение к смерти, к процессу старения. Глядя на неё, я размышлял над тем, кто руководит этим процессом, что превращает богиню в чудовище, какая программа и где заложена в человеке, влияющая на его жизнь, благодаря которой он изменяется.

Благополучно пройдя паспортный и багажный контроль и прихватив серый объёмный чемодан, я стал усиленно ис-

кать глазами человека, который должен был встречать меня. Здание аэропорта заполняла разнообразнейшая публика: и негры, и мулаты, и раскосые азиаты, мужчины и женщины, попадались дети, большинство же составляли люди с белым цветом кожи. Все они переговаривались, обнимались, встречались и прощались, спешили, стояли на месте, сидели, покупали, спрашивали, смеялись, звонили по телефону – в общем занимались тем, чем принято заниматься в аэропортах. Приятный женский голос по внутренней связи периодически объявлял о прибытии или отлёте самолётов. Аэровокзал гудел, как пчелиный улей.

Никто меня не разыскивал. Я медленно продвигался на выход, следя за указателями. Так и не найдя никого, кто проявил бы хоть малейший интерес к моей персоне, я выбрался, наконец, из людского муравейника на улицу перед аэропортом. Здесь я остановился в нерешительности, раздумывая, что мне делать дальше. Прислонившись к стеклянной стене аэровокзала, пошарил по своим карманам в поисках наличности. Я обнаружил пятьдесят евро, бумажку в тысячу российских рублей, двадцатку американских долларов, плюс ещё две мятые банкноты достоинством пять долларов каждая. Негусто. Однако на такси хватало, правда, сначала, вероятно, необходимо было обменять имеющиеся многонациональные деньги на местные фунты.

По пешеходной дорожке шёл человек. Издали наблюдая за его походкой, можно было предположить, что он пьяный

или во всяком случае хорошо выпивший. Одет он был в джинсы, светлую рубашку и тёмные ботинки. По мере приближения его к месту, где стоял я, в очередной раз пересчитывая купюры, отчего их не становилось, к сожалению, больше, я убеждался всё сильнее и сильнее, что человек этот не хватил лишнего, он просто болен. Как только он оказался на расстоянии, с которого я мог его нормально разглядеть, я понял это окончательно.

Он двигался походкой робота, автомата, в ней отсутствовала мягкость и плавность, она была резкой и неуклюжей, и, казалось, что человек вот-вот не справится с управлением собственным телом. Похоже, его мучили постоянные боли, его лицо конвульсировало, дёргалось, рот то и дело перекашивался. Красные веки глаз, узкий лоб, коротко стриженные волосы и большие асимметричные уши дополняли картину. Я бы особенно не обратил внимание на его появление — меня больше беспокоили личные проблемы —, если бы ни то, что сделал этот парень спустя минуту. Поравнявшись со мной, он внезапно остановился, повернул голову в мою сторону и... улыбнулся мне своей полоумной нечеловеческой улыбкой. Мурашки пробежали у меня по коже. Я смотрел в его чокнутые глаза, а он двигал мышцами лица, кривил губы и продолжал таким образом улыбаться. Потом, решив, вероятно, что с меня хватит, он снова тронулся в свой неровный путь походкой человека, у которого нарушена нервная система...

Высочив из-за угла, к зданию аэропорта подкатил автомобиль. Он выглядел, что называется, на миллион долларов – последний писк автомобильной моды, новейшее слово технического прогресса. Дизайн приводил в восторг – вытянутый, как капля, чёрный кузов, выпуклые стёкла кабины из почти чёрного стекла, чёрные двери, бампер, колпаки колёс. Жутковатый чёрный цвет машины производил несколько пугающее впечатление. На чёрном крыле была выведена аккуратная надпись, сделанная красной краской. Модель носила имя «аспид». Я усмехнулся удачно подобранному названию.

Из чёрного автомобиля вылез чёрный человек и направился в мою сторону. Это был негр, облачённый во всё чёрное, и даже чёрные очки закрывали его глаза. Подойдя ко мне, он спросил, на свой лад коверкая мою фамилию:

– Мистер Сазонофф?

– Да, это я.

– Я от господина Драббаха. Мне приказано встретить вас и доставить в его офис.

Он говорил на прекрасном английском, и я понимал его. «Кто из них двоих больше аспид: машина или её водитель?» – подумалось мне. Он взял мой чемодан и сумку, и мы проследовали в лимузин. Внутри автомобиль был не менее чёрный, чем снаружи. Смущало отсутствие руля слева, но данное обстоятельство лишний раз напоминало, в какой стране я нахожусь...

Мы ехали по городу, я рассматривал незнакомый мне Лондон. Водитель взглянул на часы, вмонтированные в приборную панель, и нажал на кнопку. Ожил радиоприёмник, и в динамиках зазвучала великолепная музыка. «Последний альбом «Финк Плой»», – мгновенно определил я и тут же вспомнил о Натали и о событиях, произошедших в день нашего знакомства.

Меня постоянно мучили мысли об обстоятельствах её таинственной смерти. Я никак не мог отыскать чёткого объяснения свершившимся событиям. Если моя встреча с блондинкой являлась тщательно спланированным кем-то актом, и смерть входила в него одной из составляющих, то почему тогда этот «кто-то» не появился в момент, когда она умерла, застав меня таким образом на месте преступления с тем, чтобы в дальнейшем шантажировать в известных ему корыстных целях? Что-то не сходилось, не состыковывалось, исходя из этой версии. Второй же вариант состоял в следующем: наше знакомство с Натали было в действительности чистой случайностью, а умерла она, скорее всего, из-за передозировки наркотика, так как, по-видимому, она была просто красивой скучающей куклой, избалованной дорогими вещами, выпивкой и галлюциногенами. Вспоминая отдельные детали её поведения, я приходил к такому заключению. Она и мне подсыпала наркотик в еду и вино, и поэтому так хорошо было в начале и так плохо потом. То, что она кому-то звонила, объясняется достаточно прозаически – похоже, бога-

тая квартира находилась на охранной сигнализации, и Натали звонила, чтобы сказать, что она вернулась домой. Такого рода версия многое ставила на свои места, логически развязывала запутанные узлы загадок, однако я относился к ней всё же с некоторой долей подозрительности, искал дополнительный третий вариант.

Мог бы я спасти мою любимую, вызови я «скорую помощь», и не выглядел ли трусом, когда фактически убежал из её квартиры? Опять и опять я задавал себе этот вопрос и, анализируя, не находил в своих действиях элемента трусости, так как я тогда полностью убедился, что женщина мертва, и ничем помочь я ей был не в силах. В «скорой помощи» она явно не нуждалась. Вызывать же полицию тоже, на мой взгляд, не имело смысла. Ну что бы я им стал рассказывать? Сомнительную историю моего знакомства, в реальность которой даже я теперь верил с трудом? В итоге, не исключено, что они бы разобрались в причине её смерти, определили бы рано или поздно мою непричастность к содеянному, однако я бы попал в мясорубку криминального делопроизводства, и крови бы они мне попортили предостаточно. И это ещё в лучшем случае. Связываться с властями мне абсолютно не хотелось.

После смерти моей возлюбленной что-то сломалось внутри у меня. Я сделался более равнодушным к окружающей действительности, под воздействием смерти во мне окончательно созрело решение, осуществление которого я начал

спустя месяц. Месяц же я жил, как на иголках, прислушивался к каждому шороху, старался занять себя работой, ждал, что что-то произойдёт. Может быть, я забыл какую-то свою вещь в той квартире или оставил отпечатки пальцев, или свидетели появились, на каких не рассчитывал, или тот, кто подставил меня, позвонит поздно вечером? Ничего не случилось. Ну, ни на грамм.

Но даже в самолёте, сидя в пассажирском кресле, я не верил, что так безболезненно выскочил из дикой, абсурдной ситуации, пока не запустились двигатели, и алюминиевый гигант не взмыл в небо, взяв курс на запад...

Мы ехали по городу, негр, молча, вёл чёрный сногшибательный автомобиль, изредка поглядывая на меня, и улыбался, обнажая ослепительно белые здоровые зубы. «Отчего у негров такие великолепные зубы? – подумал я. – Правильное питание является тому причиной, или этот факт обусловлен генетически?» Я ни о чём его не спрашивал, я рассматривал местные достопримечательности, насколько позволял обзор из машины. Навстречу то и дело попадались красные двухэтажные автобусы – омнибусы —, разрисованные разнообразнейшей рекламой. Именно они, эти игрушки для взрослых, создавали чисто английский колорит, представляли собой своеобразную визитную карточку Лондона. Они и чёрные старомодные такси.

По мере продвижения к центру города менялась и архитектура – здесь было больше домов в старинном стиле, хо-

тя не меньше и красивых современных зданий. Количество транспорта также прибавилось, скорость движения упала, мы застревали в пробках, на светофорах. На одном из пешеходных переходов я заметил двух панков – их трудно было не заметить! – , чьи ирокезские гребешки стояли торчком и были выкрашены во все цвета радуги. Они шли по «зебре», о чём-то громко переругиваясь. Я слышал только обрывки фраз. Каждым вторым словом были английские «fuck», «shit» или «arsehole»...

Водитель «аспида» припарковался у внешне совсем непримечательного строения, но, войдя в холл, мы попали в зону новейшего модернистского оснащения и отделки. Пол-стены прямо передо мной занимала огромная вывеска с названием фирмы – «Drabbah Electronix». Симпатичные клерки за стойкой, словно сошедшие с телевизионных рекламных роликов, с аккуратными причёсками, в белых рубашках и чёрных галстуках, звонили по телефонам, работали на компьютерах, тихо переговаривались между собой. Нам преградил дорогу охранник из службы безопасности. Негр сказал:

– Проводите мистера Сазоноффа к господину Драббаху. Ему назначено.

– Следуйте за мной.

Не голос, а сплошной металл. По массивным ступеням мы поднялись на второй этаж, долго петляли по коридорам, освещённым мягким люминесцентом, и, наконец, остановились у двери с табличкой «Mit Drabbah. President». Прежде

чем впустить меня за дверь, от которой, как только я прочёл табличку, повеяло недоступностью, элитарностью и надменностью во взгляде, я был наглым образом обыскан стражем порядка на предмет наличия огнестрельного и холодного оружия, чем мне лишний раз напомнили, кто есть я, и кто есть тот, восседающий с обратной стороны двери.

За большим письменным столом из красного дерева в кожаном вращающемся кресле я увидел человека с длинным кривым носом и карими цепкими глазами. Серый двубортный пиджак, серый галстук с золотой заколкой, дорогие часы на руке. Мои потёртые джинсы и туфли совершенно не гармонировали тут. Выглядел он лет на сорок, не старше.

Как только я вошёл, он жестом указал на стул, стоящий перед письменным столом.

– Мистер Сазонофф, – с ходу начал он. – Я знаю, что вы неплохо говорите по-английски, поэтому будем вести разговор именно на этом языке, если не возражаете. К сожалению, по-русски я не знаю ни слова, кроме разве что «водка» и «матрёшка», а приглашать переводчика нежелательно... Не хотите ли сигару?

Я не хотел, но взял. Он закурил свою и поднёс пламя зажигалки к моей. Я затанулся, но так как давно не курил, закашлялся. Мит Дрabbах продолжал:

– Мне также известно, что 15 августа вы по туристической визе прибыли в Италию, где через несколько дней попытались получить вид на жительство, в чём вам было отказано.

А 31 августа из Рима вы связались по телефону со мной, заявив, что у вас имеется очень заманчивое предложение для фирмы «Drabbah Electronix», но необходим личный контакт.

Сигара оказалась первоклассной, как, по-видимому, и все предметы, находящиеся в пределах президентских апартаментов. С наслаждением втягивая лёгкими дым, я вспоминал вкус давно забытого.

– Итак, мистер Сазонофф, добро пожаловать в Великобританию! Каково же ваше предложение моей фирме?

Кто он по национальности? Что-то не слишком похож на англичанина, да и зовут его как-то странно. Мит это Митчелл? Может быть, перс или румын какой-нибудь? – думал я. А может, он самый типичный англичанин и есть? Абсолютно непроницаемая

физиономия! Никаких эмоций! Разговаривает со мной как робот, подлец! Сейчас у него глаза выкатятся от удивления!

– Я позвонил вам из Рима, потому что случайно встретил там... – попыхивая сигарой, я выдержал паузу для полноты эффекта – ...Альберто Груганте!

Нет, это определённо не человек! Ни один мускул на лице не дрогнул! Такой выдержке можно позавидовать!

– Он, как вам должно быть известно, – продолжал я, – работал на «Drabbah Electronix» в секретной лаборатории в Гибралтаре. И, разобравшись, чем она занимается, сумел сбежать. Теперь вы его разыскиваете, чтобы он не наболтал

лишнего. Но не торопитесь направлять своих агентов в Рим, его уже там нет.

Слушает, не перебивает. Ждёт, что скажу дальше.

– Когда я узнал о проекте, над которым работал Альберто, я понял, что у меня есть именно то, что вам нужно, то, над чем трудится та лаборатория у пролива. Ну, возможно, не совсем то, но по крайней мере довольно близко к теме.

Я снова сделал паузу, стряхнул пепел в тяжёлую пепельницу из слоновой кости. Должен он отреагировать, этот сфинкс, в конце-то концов!

– И что же такое у вас имеется?

Слава богу! Выдавил из себя! Дело пошло.

– Видите ли, уважаемый мистер Драббах, для того, чтобы продемонстрировать упомянутое «нечто», мне потребуется приблизительно час времени и место, где я мог бы без посторонних поработать паяльником и отвёртками. Для наилучшего восприятия нужна визуальная демонстрация объекта в действии. Составные части его находятся в моём багаже на заднем сиденье вашего изумительного чёрного автомобиля.

Господин Драббах задумался минуты на две, не меньше. Он тоже занялся манипуляциями со своей сигарой. Я даже почувствовал, как в нём происходит процесс мышления, как шевелится его «серое вещество». Затем, приняв, вероятно, окончательное решение, он набрал номер, приложил к уху мобильный телефон и сказал в трубку следующее:

– Алло! Роберт!.. Отнеси вещи мистера Сазоноффа в 18-

й блок и передай МакКейбу, чтобы он всё там подготовил для сборочных работ.

Потом он нажал на кнопку, вделанную в письменный стол, и, встретившись взглядом с офицером безопасности, вошедшим в кабинет, добавил:

– Колин, отведите его в 18-й.

А вдогонку бросил мне:

– Надеюсь, мистер Сазонофф, вы не разочаруете меня. И не вздумайте изготовить бомбу, способную разнести «Drabbah Electronix»!

Я лишь рассмеялся в ответ.

В 18-м блоке я пробыл около двух часов – мешала непривычная обстановка, да и электронный микроскоп был слишком современной, незнакомой мне конструкции, и с ним пришлось повозиться. Роберт, водитель «аспида», где-то застрял с моим багажом к тому же. Когда я его снова увидел, он по-прежнему был в тёмных очках, упорно не желая их снимать. Очки у него были какие-то странные. МакКейб в белом комбинезоне, закрывающем тело, голову и часть лица, пытался и на меня натянуть такой же, но я отказался.

Возвратясь в президентский кабинет в сопровождении Колина, я водрузил свой зад на знакомый мне стул, предварительно поставив рядом на пол длинную картонную коробку, которую я нашёл в 18-м блоке. Коробку я установил вертикально. Господин Драббах посматривал из кресла то на меня, то на коробку – невозмутимая маска, а не лицо.

Пора начинать представление, подумал я и хлопнул в ладоши. В мгновение ока картонная коробка разлетелась на куски, и мы оба увидели... чёрта! Настоящий чёрт, точнее чертёнок, ростом 44 сантиметра ровно, покрытый густой чёрной шерстью, с козлиными ногами, хвостом, короткими рогами, поросячьим носом и живыми бесовскими глазками стоял перед нами. Я наблюдал за Драббахом. Выражение, напоминающее удивление, наконец-то появилось на его физиономии. Подожди, то ли ещё будет! со злорадством подумал я.

Чертёнок взглянул на меня, на Драббаха, почесался и вдруг с разбега прыгнул на стол президента. Мит Драббах оторопел. Он уставился на зверюгу, как на инопланетянина. Ничего подобного он не предполагал. Чертёнок прошёлся по столу, стуча копытами по полированному дереву. Его привлекли сигары, он взял одну, понюхал, бросил на пол. Затем схватил мобильный телефон и стал его ломать. Отчаяние и ужас читались на лице президента. Здесь он не выдержал, попытался отнять телефон у чертёнка. «Отдай», – сказал он. Чертёнок пронзительно завопил, не выпуская трубку из когтистых лап. И всё же президент оказался сильнее – на то он и президент! – сумел вырвать свою собственность у нечестивого. И вот тут произошло неслыханное. Чертёнок, продолжая верещать, вскочил на грудь Драббаху, вцепившись когтями в его длинный кривой нос. Пришла очередь завывать президенту.

– Уберите его немедленно! – заорал он.

Я позвал:

– Дэм, иди ко мне, мой мальчик! Дядя злой, дядя обидел тебя.

Чертёнок оставил в покое нос президента и очутился у меня на руках. Лицо и шея Драббаха были багрово-красного цвета. Он извергал ругательства в мой адрес, а я хохотал от души.

– Перестаньте ругаться, он этого не любит, – произнёс я с угрозой.

Мит Драббах с опаской посмотрел на чертёнка и... прекратил сквернословить.

– Это всего лишь электронная игрушка.

– Хороша игрушка, нос мне до крови разодрал!

Президент приложил к ране беленький капитулянтский платочек.

– Я хотел бы продать вашей фирме моё изобретение, хоть и жалко мне будет расставаться с Дэмом, – сказал я, глядя его по искусственной шёрстке и при этом выключая чертёнка.

– Сколько вы хотите? – спросил Драббах, приходя в своё обычное невозмутимое состояние.

– Три миллиона долларов наличными! – был мой ответ.

Он на секунду задумался и тем, что он сделал потом, удивил меня, наверное, гораздо больше, чем я его. Он отложил в сторону носовой платок, выдвинул ящик письменного стола, извлёк оттуда чудовищных размеров пистолет и направил его дуло мне прямо в сердце. Я успел лишь покачнуться вме-

сте со стулом и Дэмом, безжизненно лежащим на моих коленях. И прежде чем грохнутья об пол, я услышал выстрел, почувствовал боль и понял, что умираю.

3

Бесконечно тёмную ночь прорезал луч света. Я очнулся от шума работающего двигателя, разлепил тяжёлые веки и увидел что-то белое прямо перед глазами. Что это такое? Похоже на материю. Уж ни в морге ли я под белой простынёй? Что-то сильно смахивает на простыню. Точно, простыня, накрывающая меня с головой.

Снова однажды испытанное чувство охватило меня, опять я сжался до объёма черепной коробки. Только мутное сознание, остальное всё чужое, не моё. Я попробовал пошевелиться. Руки и ноги двигались, но в пределах дозволенного, вероятно, были привязаны. Я приподнял голову, чтобы осмотреться. Так и есть – на руках наручники, пристёгнутые к носилкам, дальше темно, не видно. Странно, почему на мне военная форма? Какая-то пятнистая куртка ядовито-зелёного цвета...

Что-то напоминает этот трескучий шум. Господи, вертолёт! Я на борту вертолёта! Вот и покачивает, как и полагается. Как я здесь очутился? Я отчётливо вспомнил последние мгновения моего пребывания у Драббаха: огромный, увеличенный страхом револьвер, боль в грудной клетке, осознание того, что меня убили. Кстати, грудь действительно ноет где-то посередине. Может быть, меня везут в госпиталь? Но почему на вертолёте, в наручниках и почему в военной фор-

ме? Гадать бессмысленно. Не остаётся ничего другого, кроме ожидания.

Не знаю, надолго ли я заснул под монотонный треск пропеллера и, наверное, от сильной слабости. К тому же убаюкивала и болтанка. Я проснулся, когда вертолёт накренился, он заходил на вираж. Затем я услышал незнакомую речь. Кто-то вполголоса переговаривался по радиации на восточном языке. Здорово напоминает японский. Я что, в Японию попал? Из Англии? Это же тысячи километров! Ничего не понимаю... Какие-то японцы!..

Вертолёт выровнял свой полёт и начал снижаться. То, что он окончательно сел, я понял буквально через несколько минут – корпус мягко встал на резиновые шасси. Не успели винты прекратить своё вращение, как дверца геликоптера открылась, раздались крики, больше похожие на команды, на том же языке, носилки с моим телом подхватили люди и куда-то их понесли.

Они поставили носилки на пол лифта, хлопнули створки, мы стали проваливаться в преисподнюю. Где я теперь нахожусь? Какая цель преследуется? Если меня сразу не прикончили, значит я для чего-то нужен. А раз нужен, то есть шанс выбраться из этой истории живым.

Лифт остановился, крепкие руки снова подняли носилки, мы двинулись к какой-то намеченной точке, с трудом поворачивая в узких проходах. Наконец, те, кто меня несли, нашли то, что искали; они втащили меня в помещение, поста-

вили ношу рядом с кроватью, сняли простыню – я притворился спящим – расстегнули наручники на руках и ногах, переложили меня на кровать, укрыли шерстяным солдатским одеялом, перебросились парой фраз и ушли, прихватив носилки с собой и прихлопнув дверь. Я остался один.

Как только они убрались, я подождал какое-то время, убедился, что японцы – если это всё-таки были японцы! – не собираются возвращаться, откинул одеяло и встал на ноги.

Голова закружилась, я чуть было не упал. Сколько я пролежал без сознания? Сутки, двое?... Штаны были тоже военного образца, с карманами на коленях; на ногах – высокие шнурованные ботинки из грубой кожи, какие обычно носят «зелёные береты». Я осмотрелся вокруг и невольно вздрогнул. Обстановка в помещении, в котором я очутился, почти один к одному повторяла обстановку моей комнаты у меня дома. Те же вещи, стоящие точно так же. Правда, сами вещи были другими. Вместо старенького телевизора и проигрывателя виниловых пластинок здесь имелся новейший, с огромным экраном японский телевизор, видеомагнитофон с набором кассет и роскошная стереоустановка со стопкой компакт-дисков, среди которых я заметил обложки альбомов группы «Финк Плой». На месте обшарпанного журнального столика в окружении двух потёртых кресел стоял стеклянный стол гораздо современнее моего и два кожаных кресла, такие симпатичные, что в них тотчас же хотелось сесть. Шкаф для одежды практически не отличался, разве что был

изготовлен из светлого дерева. Я столкнулся с очередной загадкой, требовавшей объяснения. Почему вещи расставлены именно так, а не иначе? Совпадение? Логика подсказывала, что тут присутствует тайный смысл, пока неведомый мне.

Свет струился из окна за спиной. Оно было неплотно прикрыто занавесками. Пошатываясь, я подошёл к нему и раздвинул шторы. Вот это да! За толстым стеклом насколько хватало глаз простиралась спокойная синяя гладь моря, упирающаяся в не менее синее безоблачное небо. Значит я на корабле! Я что, за период своего беспамятства успел стать военным моряком? Вопросы наслаивались на вопросы. И никто не брался на них отвечать. Солнце, светившее справа, хоть и было ещё яркое, но уже готовилось спрятаться за горизонт. Я прикинул расстояние от места, где я находился, до поверхности воды. Примерно пятый этаж. Вероятно, сам корабль довольно внушительных размеров, если учитывать, что я где-то в нижней части, плюс у него имеется вертолётная площадка. Кроме неба, моря и солнца больше ничего не просматривалось.

Помимо входной двери в каюте имелись ещё две двери. За первой из них оказался гимнастический зал: шведская стенка, различного веса гантели, штанга, спортивные тренажёры. И хотя внутри отсутствовали зеркала, зал мне понравился, ведь я любил иногда покачаться, потаскать «железо». Наверное, те, кто поместили меня сюда, надеялись на такую же реакцию. Я проследовал к другой двери. Она скрывала за со-

бой ванную комнату с душем, с отдельным туалетом и с раковиной, над которой висело большое чистое зеркало. Я заглянул в него.

То, что я увидел, окончательно доконало меня. Отражение в зеркале было чужое! Некий незнакомец, с иным лицом, всклокоченными волосами, небритый, сумасшедшими глазами смотрел на меня. Я даже подумал сначала, что кто-то ещё проник в ванную комнату, но потом до меня дошло – стоящий по ту сторону стекла человек это я и есть! Он повторяет все мои движения! Час от часу не легче! Как же так?! Лицо-то явно не имеет ко мне никакого отношения! Я хорошо помню свои собственные черты. Я не потерял память. Может, я свихнулся? Я был в панике. Холодный пот прошиб моё тело. Моё ли? Может быть, меня всунули в чужое тело? Бред какой-то! Я отупело уставился в зеркало, не в силах постичь происходящее. Глаза вроде бы мои – цвет серый. Волосы соответствуют. И щетина родная, не куцая, а как положено, от уха до уха. Я включил мощную люминесцентную лампу, прикреплённую над зеркалом, взгляделся получше, потрогал чужое лицо. И тут молнией вспыхнула догадка. Эти твари сделали мне пластическую

операцию! Воспользовались моей беспомощностью! Перекроили мою физиономию на свой лад! Наверняка это так. Другого объяснения я просто не нахожу. Зачем? Для чего-то меня готовят? Для чего? Ну и дела! Я вляпался в очень скверную историю. Игра зашла слишком далеко. Я с ужасом

продолжал смотреть на отражение, не веря в существующую действительность.

Резкий длинный звонок прервал мои сумбурные мысли. Я вернулся в комнату с тяжёлым чувством. На тумбочке у кровати, на привычном мне месте, надрывался телефон. Я поднял трубку.

– Мистер Сазоноу, – кто-то по-новому искажал мою фамилию. – Настало время познакомиться.

На том конце линии говорил мужчина на английском языке с заметным акцентом. Голос был, казалось, совсем близко, словно человек звонил из гимнастического зала за стеной.

– Вас проводят, – добавил он и отключился.

Входная дверь распахнулась, два низкорослых японца в военной форме, такой же, как у меня, с касками на головах и с небольшими компактными короткоствольными автоматами «грассхоппер» через плечо ввалились в каюту. Они меня так боятся, что прихватили оружие? Чем я их напугал? Я не сопротивлялся, я послушно последовал за морскими пехотинцами. Мы шествовали по хорошо освещённым коридорам корабля – японец впереди, японец сзади —, и я размышлял о своём незавидном положении. Неужели сменяющие друг друга события не являются плодом моей фантазии? Неужели они происходят именно со мной, а ни с кем-то, и я не просто наблюдаю со стороны, я – главное действующее лицо в этих мелькающих картинках? Я не мог до конца поверить в это. Пластическая операция дополнительной ирре-

альностью повлияла на мою психику. Может быть, мне всё-таки сейчас растолкуют, какая роль мне предназначена?

Втроём мы поднялись на лифте на четыре палубы вверх, меня отвели в просторную каюту, дверь которой изнутри охраняли ещё два солдата, вооружённые не только автоматами, но и крупнокалиберными пистолетами. Вид пистолетов вызывал у меня отвращение. Из-за стола навстречу мне выбежал маленький чересчур толстый японец. Не успел я, как следует, осмотреться, а он уже тряс мою руку, улыбался, словно старому другу, постарался усадить на самое почётное место. Затем, возвратившись за свой внушительный, напоминающий пульт стол, он с важным видом сказал:

– Дорогой мистер Сазоноу. Прежде всего я хочу перед вами извиниться за те мелкие неприятности, которые доставил вам господин Драббах...

Ничего себе «мелкие»! Козёл узкоглазый! Он имеет в виду, что крупные неприятности впереди? Я начал его ненавидеть.

– Мой коллега Драббах наделал слишком много ошибок. За что и поплатился... А ведь вы его убили, мистер Сазоноу...

Холодок пробежал у меня по спине. Я удивлённо уставился на толстяка.

– Драббах не предполагал, что в чертёнке...

– Вы хотите сказать, он разобрал..., – я понял, что произошло.

– Да, да, да, – закивал головой, как китайский божок, японец, улыбаясь. – Он решил самолично выяснить, как устроена игрушка. К сожалению, это ему не удалось – взрывчатка разорвала его тело на куски! – я представил окровавленные ошметки бедного Мита. – От господина Драббаха ничего не осталось, кроме сигар, которые он так любил..., – японец не прекращал улыбаться, и поэтому складывалось впечатление, что смертью Драббаха он, несомненно, доволен. – Умно, умно придумано, мистер Сазоноу! Чтобы не лезли своими длинными носами туда, куда нельзя, всякие наглецы... Хотите молока? –

неожиданно спросил он.

Молока? Резкий переход. Я вообще-то хотел, но отказался. Толстый достал из шкафчика бутылку и стакан, налил себе половину и, прилично отхлебнув, заметил:

– Вкусное! Новозеландское! Экологически чистое! – после чего продолжил. – К счастью, Драббах записал на видео всю сцену с чертёнком, благодаря чему мы получили возможность посмотреть, так сказать, воочию на ваше изобретение, – японец подошёл к телевизору, воткнул кассету, надавил на кнопку.

На экране появились кадры моего последнего посещения кабинета президента «Drabbah Electronix». Чертёнок прыгал, ходил по столу, безобразничал. Дойдя до того момента, когда Мит выхватил пистолет, японец выключил запись.

– Здорово, мистер Сазоноу! Просто замечательно! Вы,

русские, всегда меня поражали.

Работая в отвратительных условиях, вы умудряетесь создавать поистине гениальные вещи. Нам понравился ваш Дэм. Вы – первоклассный электронщик!

– Я всего лишь механик, – сухо произнёс я. – Не скромничайте, вы превосходно потрудились. Скажите, вы могли бы заново, с нуля изготовить нечто подобное?

– Думаю, да. Необходимо время и... моё желание.

– Великолепно! Понимаю-понимаю, что вы подразумеваете под фразой «моё желание», – японец направился к громоздкому сейфу, набрал шифр, повернул замысловатую рукоятку и, открыв массивную дверь, вытащил пузатый алюминиевый чемодан. – Вот, как вы просили, – сказал он и, пыхтя от тяжести, поставил чемодан рядом со мной.

Я расстегнул замки, откинул крышку. Внутреннее пространство чемодана было полностью забито пачками зеленоватых банкнот. Такого количества денег сразу я никогда в жизни не видел. Я взял одну пачку, разорвал упаковку. Новенькие хрустящие стодолларовые бумажки, пахнущие свежей типографской краской. Из овала на меня смотрел Франклин.

– Здесь три миллиона! – улыбался толстяк. Его лицо сияло от подбострастия.

– Какого дьявола вы сделали мне пластическую операцию?! – заорал я в бешенстве.

Вспышка безотчётного гнева охватила меня. Я готов был

наброситься на японца. Его дурацкая улыбка раздражала, выводила из себя. Он мгновенно сообразил, что я на грани срыва, поэтому быстро затараторил:

– Мистер Сазоноу! Успокойтесь! Успокойтесь! Ради бога успокойтесь! Я постараюсь всё объяснить. Пластическая операция – дело рук Драббаха. Перед тем, как отправиться на тот свет, он успел изменить вашу внешность. Конечно, он не должен был поступать так, предварительно не получив вашего согласия. Он и усыпил вас по собственной инициативе. Но, повторяю, Драббах натворил много ошибок, за них и поплатился, – япощка перевёл дыхание. – Кроме трёх миллионов долларов вы получите ещё тридцать миллионов в качестве бонуса по окончании проекта!.. В настоящее время, мистер Сазоноу, вы находитесь на борту большого ракетного крейсера «Осака», принадлежащего

военно-морскому флоту Японии. Тут размещена и оборудована специальная лаборатория, занимающаяся сверхсекретными исследованиями...

– Как далеко корабль от берегов Англии?

– Мы – в Тихом океане!

– Что вы хотите создать? – я постепенно приходил в норму.

– Как бы получше..., – замешкался мой собеседник.

– Вы делаете «суперсолдата»? – отчеканил я.

– Вам об этом сказал Альберто?...

Я промолчал.

– Ну нет... Не знаю, что вам наговорил Груганте, можно, в принципе, и так сформулировать, хотя «суперсолдат» не совсем верный термин, точнее, совсем неверный. Дело в том, что понятие «суперсолдат» подразумевает под собой создание солдата, готового выполнять беспрекословно любые команды – на то он, разумеется, и солдат! – япошка улыбался иронически, – старшего по званию. То есть создание людей, управляемых на расстоянии, – зомби. Мы же стремимся изготовить солдата мыслящего, но неуязвимого, практически бессмертного, делая симбиоз из человека и машины. Этим существам уже давно придумано название – «киборги». Поэтому правильнее будет не «суперсолдат» или «зомби», а «киборг», «кибернетический организм». Вы видели фильм «Триумфатор»?

– Да.

– Мы делаем нечто подобное.

– Кто являются «подопытными кроликами»?

– Добровольцы. Если вас беспокоит вопрос насильственности в проведении опытов, можете лично переговорить с каждым из них. Пожалуйста! Кстати, кроме вас в лаборатории собрано до ста специалистов в различных областях знаний, работающих на данный проект. Поэтому этот вопрос ранее поднимался неоднократно, и те, кто его поднимали, остались удовлетворены.

– Какова моя роль в проекте?

– Вы будете заниматься телом киборга, используя техно-

логии, применённые при изготовлении Дэма. За начинку и конечный продукт будут отвечать другие. Между прочим, исследования уже ведутся восемь месяцев, и кое-какие успехи имеются. Но сроки поджимают – через три, максимум четыре месяца нам нужны конкретные результаты. Вы возглавите сектор «Си». Ваша задача – быстро и качественно сделать оболочку киборга. И потом мы соединим человека с... чёртом, – толстяк улыбался, довольный своей шуткой.

– Кто финансирует проект?

– Пентагон. Да, да, всемогущие американцы, как всегда, заказывают музыку. Средства, должен заметить, отпущены фантастические!

– Какие гарантии, что вы заплатите мне деньги, да и вообще оставите в живых по завершении проекта? – спросил я.

– А какие гарантии вы хотите, мистер Сазоноу, чтобы мы предоставили? Давайте, предлагайте! Мы откроем счёт в любом банке мира, включая страны бывшего Советского Союза, причём подтвердить вклад смогут ваши родственники или знакомые – они позвонят прямо сюда, на корабль, если вы пожелаете. Дальше. Вы подпишите контракт, в котором указаны условия соблюдения тайны. Вот текст, – японец взял со стола несколько сшитых листков бумаги, передал их мне. – Даю вам сутки на ознакомление с ним. Одна из гарантий к тому же – лицо. Драббах изменил вашу внешность не случайно. В конце проекта вы получите пакет с документами на новое имя, плюс новое гражданство...

– А если я не подпишу контракт?

Отхлебнув очередную порцию молока, японец жёстко сказал:

– Я бы вам не советовал отказываться. Поверьте мне – условия отличные. Фактически вы уже участвуете в проекте, ведь вам известно большое количество информации, не предназначенной для широкого круга лиц. Подписание контракта превращается в простую формальность... В конце концов я тут для того, чтобы вы не принимали отрицательного решения. Я готов обсудить любые дополнительные ваши требования, если таковые имеются...

– Вы нашли Альберто?

– Ищем.

– Что вы с ним сделаете?

– Он нарушил договор, поэтому... Вы понимаете, что в таких случаях бывает?

– Сколько времени я находился в бессознательном состоянии?

– Трое суток.

– Почему в моей каюте вещи расставлены так же как у меня дома?

– Мы постарались, чтобы все, прибывающие на борт ракетного крейсера «Осака», чувствовали себя комфортно и удобно и сразу же привыкали к окружающей обстановке. Что-то мы скопировали один к одному, что-то улучшили. Вас ждут приятные сюрпризы...

А теперь, господин Сазоноу, вам нужно хорошенько отдохнуть, набраться сил. К моему величайшему сожалению, я больше не располагаю временем для беседы с вами. Естественно, этот разговор не последний. Мы ещё будем неоднократно общаться. Но я человек занятой, и ко мне порой трудно бывает пробиться. Поэтому в основном вы будете контактировать с Жан-Жаном. В экстренном же случае звоните мне по внутренней связи. Номер моего телефона – четыре нуля. Очень легко запомнить... Ваш багаж, – японец извлёк из-под стола мою старую дорожную сумку, – там все ваши личные вещи... Охрана сопровождает... Да! Я совсем забыл представиться. Меня зовут Огисо-сан, можно просто – мистер Огисо. Я направлен сюда Центральным разведывательным управлением – ЦРУ, короче говоря.

Он расплылся в улыбочке. И без того узкие щелочки глаз сузились настолько, что глаз не стало видно совсем. Огисо проводил меня до двери, любезно попрощался за руку и пошёл назад к столу-пульту допивать своё экологически чистое молоко.

Солдаты принесли в мою каюту алюминиевый чемодан и дорожную сумку, а, уходя, заперли дверь. Не доверяют, гады! Я остался один. И только здесь на меня навалилась громадная тяжесть от услышанного в резиденции высокопоставленного японца. В голове зазвучали обрывки английских фраз с восточным привкусом: «...а ведь вы его убили ...мы в Тихом океане ...вы получите ещё тридцать миллионов ...им

уже давно придумано название – «киборги» ... собрано до ста специалистов ... мы соединим человека с чёртом ... Пентагон ... я направлен сюда ЦРУ ... любые гарантии, какие хотите ... вы понимаете, что в таких случаях бывает?...» Мозг, как компьютер, обрабатывал полученную информацию. Я искал оптимальный вариант своего поведения в складывающейся ситуации.

На столике я заметил что-то, накрытое салфеткой, чего раньше не было. Под ней оказалась еда, приготовленная для меня: немного отварных овощей и мяса, хлеб. В высоком стакане – молоко. Не иначе новозеландское! При виде пищи я, наконец, почувствовал, как сильно я голоден. Конечно, количество продуктов не насытило полностью мой пустой желудок, однако мне сейчас много есть было и нельзя. Я блаженно развалился в кресле, радуясь тому, что мне досталось. Молоко действительно великолепное! Теперь надо бы побриться, почистить зубы, постоять полчаса под душем, забыть обо всём на свете и завалиться спать. Утро вечера мудренее! Который сейчас час? Я покопался в сумке, вынул свои наручные электронные часы. Они шли. Циферблат показывал время – 22:36 и дату – 6 сентября. С датой была ясность. А вот со временем... Какое время на часах? Явно не лондонское, ведь за бортом сумерки. Похоже, корабельное или местное для существующего часового пояса. Хрен с ним, со временем! Разберёмся!

Прихватив бритву, зубную пасту со щёткой и полотенце

из сумки, я отправился в ванную. Зеркало по-прежнему равнодушно отражало реальность. Я никак не мог привыкнуть к чужому лицу в нём. Успокаивало то, что они всё-таки оставили мне европейский тип лица. Представить страшно – они могли слепить из меня японца. То-то было бы весело! Сазонов-сан! Я потрогал кожу на физиономии. Совсем не болит. Вот что значит – современные технологии. Лазером они мне что ли делали операцию?

Я сбрил трёхдневную щетину. Что-то побаливает затылок. Ого, ну и шишка! Досталась после падения со стулом в кабинете Драббаха. Тщательно почистил зубы. Потихоньку приобретаю вид цивилизованного человека. Открыл горячую воду и стянул военную форму. На груди, посередине – большое багрово-серое пятно. Вот так синячище! И сюда Драббах приложил руку! На полочке я обнаружил куски ароматного, пахнущего яблоками мыла и губку. На крючке рядом с полочкой висел готовый к услугам махровый халат, на полу стояли мягкие тапочки моего размера. Да, Огисо умеет создавать комфорт!

Посвежевший и помолодевший я устроился на кровати, укрылся одеялом, погасил свет настольной лампы. Сон не шёл. Как я ни старался отвлечься от мыслей, меня одолевающих, ничего не получалось. Мозг автоматически занимался своим делом – переваривал поступившие в него новые сведения. Мозг был возбуждён. Я долго ворочался с боку на бок, пару часов не мог заснуть. Потом стал считать до тысячи,

потом до двух, потом...

Я стоял в огромной толпе народа. Люди были повсюду: спереди, сзади, справа и слева. Их было так много, что они почти касались своими телами меня. Кроме того, куда бы я ни глядел, в любом направлении, я видел одних лишь людей – человеческие головы вплоть до линии горизонта. Люди были разные: разного возраста, пола, национальности, но я не знал их никого. Только где-то впереди, как мне показалось, мелькнули голые плечи Натали, её белые выющиеся волосы. Справа я заметил кривой длинный нос Драббаха, а слева – узкие глаза Огисо. Остальные – чужаки.

Почему такое столпотворение? Все они смотрели, щурясь, куда-то вверх в одну точку. Что привлекло их внимание? Они смотрели на солнце! Они грелись в его ласковых лучах, радовались теплу. Я также уставился на солнце, но оно меня почему-то совершенно не ослепляло. И не грело. Неожиданно цвет его изменился. Из жёлтого солнце стало оранжевым, как апельсин. Поднялся сильный ветер. Он ерошил волосы, срывал одежду, валил людей наземь. Солнце угасало, хотя было в зените. Из оранжевого цвет перешёл в кроваво-красный. Температура резко понизилась. Ветер сделался ураганный. Он неистовствовал, бросал в людей комья земли и снега. Люди лежали вокруг меня обессиленные, замёрзшие, мёртвые. Со мной же ничего не случилось. Я продолжал стоять, как ни в чём не бывало. Недоумевая, почему. И перед тем, как солнце погасло, и наступила вечная ночь, я

успел увидеть свои руки. Они не были человеческими. Это были руки робота – металлические манипуляторы, на гладкой полированной поверхности которых отражались красноватые блики...

Я проснулся, разбуженный странным звуком. Зажёг свет у изголовья. Что-то происходило со входной дверью. Снаружи из коридора кто-то наносил по ней мощные монотонные удары. Кто-то хотел её проломить, кто-то, кто не имел ключа. Но ключа-то не было только у меня! Невероятно! И ещё этот идиотский сон! Если так будет продолжаться и дальше, я натурально сойду с ума, спячу от постоянного нервного перенапряжения. Я вспомнил человека, повстречавшегося мне в лондонском аэропорту. Буду так же дёргаться! Я поднялся с кровати, подошёл к двери. «Эй, – крикнул я, – кто там?!» Удары на секунду прекратились, но затем возобновились с удвоенной энергией. Дверь трещала, словно по ней били кувалдой, но не поддавалась. Крепкий замок!

Я снова не понимал ситуации. Если Огисо пусть приближённо, но сумел вернуть покачнувшийся мир в исходное состояние и заставил меня поверить в его объяснения, то возникшее обстоятельство не вписывалось ни в какие теории японца. Происходило нечто исключительное. Я, как деревянный болван, стоял у прямоугольника двери, смотрел, как её вышибают, не зная, что делать. По идее, нужно было бы, наверное, обзавестись каким-нибудь оружием на случай, если тот, кто с таким упорством высаживает мою дверь, на-

строен враждебно и против меня, что весьма вероятно. Чем вооружиться, никак не приходило мне в голову.

Удары следовали за ударами. Вот-вот дверь распахнётся. Я вспомнил, что Огисо что-то говорил про номер телефона. Ага, он сказал, что номер легко запоминается. Четыре нуля! Я бросился к аппарату, набрал четыре раза подряд zero. Трубка молчала. Где этот факаный цээрешник, у которого по кораблю бегают сумасшедшие с кувалдами, не дающие никому спать по ночам?! Трубка отвечала лишь длинными гудками. Я швырнул её на рычаг, когда дверь, наконец-то не выдержала натиска.

На пороге возник человек, при виде которого меня сперва бросило в жар, потом в холод. Одного взгляда в его безумные, широко раскрытые глаза хватило, чтобы понять, что он меня сейчас прикончит. И сразу стало ясно, почему. Он сбежал из лаборатории! Из абсолютно лысой его головы торчали несколько коротких блестящих цилиндров, с концов которых свисали оборванные пучки разноцветных проводов. Они ставили над ним эксперимент, и что-то у них не сработало! Передо мной стоял так называемый «доброволец», одетый в белую изодранную в клочья одежду. Его руки с гигантскими кулаками были по локоть в крови. То ли оттого, что он уже расправился с кем-то в лаборатории, то ли потому, что он разбил их о мою дверь. Кровь с рук капала на пол.

Он двинулся на меня, как танк, сокрушая всё на своём пути. Вдребезги разлетелся стеклянный стол, он разнёс его

сильнейшим ударом кулака-кувалды. Горку электронной аппаратуры он смахнул одним движением руки, словно назойливую муху. Телевизор со страшным грохотом рухнул вниз. Он медленно подбирался ко мне. Я хотел было обогнуть его и выскочить в проём двери – только это позволило бы мне уйти отсюда живым и невредимым, но он оказался не настолько глуп, он перегородил мне дорогу, оставляя постоянно дверь за своей спиной.

Я ринулся в гимнастический зал. Он – следом. Я бросил в него одну из гантелей, но промахнулся. Килограммовый «блин» со штанги задел цилиндр, торчащий из черепа. Он даже не прореагировал! Я понял, что мне сейчас будет крышка. Сейчас он раздавит меня, как червяка. Какая глупая смерть! А бывают ли умные смерти?

Оглушающе-трескучая автоматная очередь продырявила его голову насквозь. Пули едва не задели меня. Его лицо моментально превратилось в кровавое месиво. Ошмётки мяса и мозга забрызгали меня с головы до ног. И всё же он сумел развернуться и единственным уцелевшим глазом увидеть японского солдата, ведущего по нему прицельный огонь из «грассхоппера». Потом его грузное изрешечённое тело свалилось мешком.

– Знаешь, Сазонов, я слышал, у тебя есть чемодан, доверху набитый золотыми слитками. Огисо якобы выдал тебе аванс «жёлтым металлом». Это верно? – Жан-Жан, как всегда чисто выбритый, аккуратно причёсанный, облачённый в добротный, дорогой, с иголочки костюм, безукоризненно белую рубашку и синий галстук, сидел в кожаном глубоком кресле рядом с русским. Они вдвоём смотрели телевизор.

– Кто тебе сказал? Если Паскаль, то он снова всё переправил, – Сазонов в рваных потёртых джинсах, в чёрной мятой футболке с розовой надписью «Fink Ploy» на груди и в шлёпанцах на босу ногу подошёл к шкафу, вытащил алюминиевый кейс, тяжело установил его перед Жан-Жаном.

– На, удовлетвори своё любопытство.

Жан-Жан откинул крышку, присвистнул:

– О ля-ля! Такой массы «зелёных» я в жизни не видел! Сколько тут?

– Ровно три миллиона. Попадаются пачки с портретом МакКинли. Я раньше даже не подозревал, что существуют американские банкноты подобного номинала.

– Да, солидно, – француз поправил очки на носу. – Дашь сфотографироваться?

– Не прибедняйся. У самого в Париже или где там лежит кругленькая сумма в банке. А скоро жирную премию отхва-

тишь, Огисо обещал... Давай выпьем, хватит чужие деньги щупать, давай, я уже налил, а то водка выдыхается.

Жан-Жан прихлопнул крышку, взял рюмку, они чокнулись.

– За что пьём? – спросил русский.

– За удачные испытания. Теперь от них зависит наше будущее.

Они вылили жгучую жидкость себе вовнутрь.

– На солёненький огурчик, закуси, – Сазонов наколол на вилку сразу парочку – один протянул Жан-Жану, другой надкусил сам. – Кстати, куда их повезли, не выяснил?

– Атолл Шэйк. Тоже в Тихом океане, – француз приятно хрустел огурцом. – Если тесты пройдут нормально, скоро буду дома. Ужасно соскучился по Франсуазе, а по Полю как! Чуть ли не каждый день снятся!.. Подумать жутко – не имел женщину двадцать пять месяцев! Я здесь почти с самого начала проекта. Как-то сказал об этом Огисо. Говорю, что, Огисо-сан, онанизмом мне прикажете заниматься? Я без женщины не могу. Дурным делаюсь, работаю плохо. А он, скотина, плечиками пожимает и придурковато улыбается. Говорит, вам за это неудобство огромные деньги платят, вы должны ситуацию понимать, не один вы такой, а если хотите, я вам могу надувную предоставить, с подогревом. Бр-р-р! Мерзость! С резиновой ни за что не лягу!..

Сазонов увеличил громкость у телевизора, сказал:

– Потише! Сейчас новости будут передавать. Может быть,

что-нибудь и сообщат.

– ...А Огисо, небось, ежедневно в свою Японию на вертолёте летает, гейш трахает. У-у-у, свинья жирная! – не унился Жан-Жан.

На экране поползла заставка российских новостей, из динамиков потекла традиционная мелодия.

– Мне ваше русское телевидение не нравится. Слишком много рекламы, как и у нас. А фильмы вы показываете в основном американские. Превратились в колонию США! Не обижайся, но янки победили, выиграла холодную войну. Теперь используют вас как сырьевую базу для своих хищнических амбиций. Моя любимая Франция, правда, тоже пытается себе кусочек послаще отхватить... Симпатичная дикторша. Новенькая? Я её что-то раньше не видел...

– Да, ты прав. С приходом к власти Рогбачёва Россия, как единая сверхдержава, как, если хочешь, империя, развалилась до основания. С ней стали обращаться как с проституткой. Кто платил, тот и имел. Рогбачёв – меченый сатаной. Нет, я не считаю, что при коммунистах было замечательно, отнюдь, но то, что творилось в России при Гробачёве и Пьянцыне, просто омерзительно. Разрушать гораздо легче и, главное, выгоднее, чем создавать. Пьянцын – элементарный алкоголик, ему на людей было наплевать... Что же касается Гэпэутина, то он по крайней мере трезвый на людях появлялся в отличие от предыдущего президента...

– А этот новый – Мёдознаев?

– Ещё непонятно, посмотрим, что будет дальше. Но то, что он любит «Пип Дёрпл», уже хорошо... Россия хоть и начинает потихоньку возвращать себе своё былое могущество, но ещё больна великой анархией. И если с этой болезнью не бороться, то... послушай, что за беспредел происходит! С ума сойти! Кошмар!.. В Москве на Красной площади террористы взорвали собор Василия Надменного! Уничтожили национальную святыню!.. Что творится!..

Глаза у Жан-Жана полезли на лоб.

– Ты не шутишь?

Новости закончились, пошёл рекламный ролик.

– Чёрт с ними со всеми! Давай ещё выпьем, – француз разлил русскую водку по рюмкам. – Вот водка мне ваша нравится, Сазонов. Да и ты – парень что надо. Есть предложение – бахнуть за нашу дружбу.

– Нет возражений.

Рюмки они опустошили одновременно.

– Подрежь колбаски, – сказал Жан-Жан.

– Хорошо сидим, – произнёс русский, беря левой рукой широкий острый нож из нержавеющей стали.

– Отлично! – француз достал из внутреннего кармана пиджака пачку «Цента», ловко выбил сигарету, закурил. – Ты знаешь, Сазонов, я до сих пор не верю, что мы это сделали. Когда Огисо сказал, чем мне и многим другим предстоит заняться, я тогда подумал – он чокнутый! Поначалу ничего не получалось. Мы просто убивали людей. Резали их почём зря.

Фактически задача состояла в следующем – пересадить мозг живого человека в робота. Ты не представляешь, как я работал. Я никогда так не работал! По восемнадцать часов в сутки! Цель была безумная, но жутко интересная. Я проявлял чудеса хирургии, однако всё было тщетно. Проблем вылезло столько, что на их решение ушло бы лет десять по меньшей мере. Несмотря на то, что они исполняли любую нашу прихоть. Они вкладывали деньги поистине бешеные. Заполнили лабораторию наисовременнейшим оборудованием... Знаешь, мне иногда снятся кошмары. Горы кровавых шевелящихся трупов с вырезанными головным и спинным мозгом... Да, бог покарает меня за это. Моё место в аду!.. Я отчаялся, я начал пить, хоть Огисо строго-настрого запретил пить кому бы то ни было. Я пил до тех пор, пока они не притащили сюда Хай Фая. Китаец – несомненно, их лучшая находка. Он – гений! Он – бриллиант! Если бы они его не откопали, проект рассыпался бы, как карточный домик. И никакие деньги не помогли бы.

Француз стряхнул пепел и продолжил:

– Хай Фай круто изменил технологию. Он совершенно иначе взглянул на идею, подошёл к вопросу как электронщик. Пересадка мозга отпала вообще. Но я тоже пригодился, мы стали работать тандемом, взаимно дополняя друг друга...

– Ты не знаешь, как устроен «транссквицер»? – перебил его русский. Сазонов переключился на ещё один российский

телеканал.

– Нет. Это сверхсекретно. Это тайна за семью печатями. Китаец рассуждал примерно так. Человек получает информацию через органы зрения и слуха, то есть посредством глаз и ушей, правда, нужно ещё добавить сюда кожное восприятие и вкусовое, включающее запахи. Однако основную роль играют всё-таки глаза и уши. Вот на них-то мы и обратили самое пристальное внимание. Входы в мозг, через которые поступает зрительная и звуковая информация, благодаря мне и Хай Фаю превратились в выходы информации из мозга. Что он там напаял, я не знаю, но он изготовил «трансквизер», выжимающий данные из «серого вещества». К сожалению, устройство не копирует, а как бы высасывает информацию, повреждая клетки мозга человека к тому же, поэтому, как тебе известно, от прошедших «трансквизерацию» уже нет никакого толку. Они становятся идиотами...

– Я всё думаю, почему Ван Дер Хеллден припёрся тогда ко мне? Помнишь? – русский извлёк из холодильника две запотевшие бутылки колы и поллитровку водки.

– Конечно... В тот день, когда они привезли тебя... Трудно сказать. Предполагаю, что он просто хотел вернуться домой, ведь до тебя он жил в твоей каюте. Может быть, каюта ассоциировалась в его наполовину выдавленном сознании с его домом, с местом, где, как ему казалось, безопасно, тем более, что обстановка была идентичная. Когда он обнаружил там чужого, он попытался тебя убить... А виновата спеш-

ка. Огисо торопил – быстрее, быстрее! Ублюдок узкоглазый! Ван Дер Хеллден успел прикончить троих моих ассистентов в лаборатории – замечательных специалистов, между прочим! – , я чудом уцелел...

Француз докурил сигарету, затушил её в круглой пепельнице.

– Доктор Менгеле! Давай-ка опять дёрнем «блондиночки», – русский наполнил рюмки до краёв.

– Хорошо пошла! – произнёс француз, закусывая тонко нарезанной копчёной колбасой. – ...После голландца был перерыв. Хай Фай около полутора месяца доделывал

«транссквицер». Параллельно ты и твоя команда собирали тело. Должен заметить, ты тоже башковитый мужик. Технический совет насчитал шестнадцать или семнадцать, точно не помню, изобретений, применённых тобой в конструкции. Ты – молодец!.. Красивая девочка и поёт неплохо! – в это время на экране телевизора демонстрировался музыкальный клип. – Смотри, какие ножки! А попочка!.. После голландца мы угробили ещё двоих «добровольцев», те умерли на столе. Вечная им память!

– Кто они были? – спросил Сазонов, отхлёбывая холодную колу прямо из горлышка.

– Все «добровольцы» – это наркоманы и люди, приговорённые к смертной казни. В основном американцы, но попадались, как Ван Дер Хеллден, и из других стран. В той группе, которая сейчас на атолле, помимо четверых янки два

немца и бельгиец.

– Жан-Жан, тебе не страшно от того, что мы тут придумали? У меня такое ощущение, что мы сотворили нечто похуже атомной бомбы. Кибернетические организмы, или, как их называет Хай Фай, «транссквизермены» обладают гигантскими способностями. Один «транссквизермен» стоит десятка – какой десятка! – , сотни обычных солдат. Его не берёт пуля, граната для него почти не опасна, возможно, лишь прямое попадание бронебойного снаряда представляет для него некоторую реальную угрозу, хотя я полностью не уверен, что это смертельно. Практически он бессмертен. Я представляю армию, состоящую целиком из «транссквизерменов» с телами, например, Шварцеллегера. Миллион шварцеллегеров могут захватить материк в течение считанных дней или даже часов! Мы выпустили джинна из бутылки. Вариант изготовленной модели будет постоянно усовершенствоваться. «Транссквизермена» сделают гораздо изощрённее, если не мы, то те, кто придут после нас. Найденная технология универсальна. Мне чудятся танки и самолёты, внутри которых нет живых людей. Танк или самолёт – это тело «транссквизермена», маленькая коробочка – человеческий мозг, она управляет телом, сеет смерть и ужас среди нормальных мирных жителей. Моё воображение рисует чудовищные картины!..

Француз закурил новую сигарету, затянулся, поправил сползшие на нос очки. Сазонов заметил, что рука с сигаре-

той у Жан-Жана подрагивала.

– Я стараюсь не думать о плохом. В конце концов того, кто изобрёл автомобиль, можно тоже посчитать убийцей, ведь основная масса людей гибнет на дорогах. Это относится к большинству вещей. Вопрос в том, каким образом использовать то или иное изобретение. Я не хочу думать о последствиях ранее невиданной на земле технологии. Мы заканчиваем работать с последней группой «добровольцев» – остался один человек —, и я уезжаю отсюда. Контракт прекращается. Меня ждут Франсуаза и Поль...

Сазонов взглянул на наручные часы, полностью убрал звук у телевизора; включив радиоприёмник, сказал:

– Давай послушаем Би-Би-Би, русскую службу. Время новостей... На, попей водички...

– Ты уже знаешь про Тэйлора? – спросил Жан-Жан.

– Да, от Патрика... Он вроде бы возглавлял сектор «Эй».

– Билли обнаружили вчера в его каюте, лежащим на кровати. Врач-патологоанатом сказал, что у Тэйлора произошла остановка сердца, и...

– Подожди-ка! – перебил русский. – Кажется, это то, что нам нужно...

«...Международная организация «Гринвёрлд» выразила протест американскому правительству в связи со вчерашним наземным испытанием атомной бомбы на атолле Шэйк. Атолл Шэйк расположен в юго-восточной части Тихого океана и является территорией США. Мощность ядерного заря-

да уточняется... С выпуском новостей вас познакомил наш сотрудник Себастьян Нижегородцев...»

Сазонов перевёл текст сообщения на английский.

– Наконец-то! Свершилось! Дай бог, чтобы парни остались целы! Я держу пальцы крестиком! Необходимо выпить... наливаю. Сейчас как жахнем! Сазонов, это я от тебя нахватался жаргонных словечек...

– С кем поведёшься, с тем и наберёшься, – вставил слово русский.

– ...Послушай, переключи на NNN; извини, но мне надо-ели ваши русские передачи. Я понимаю, что ты предпочита-ешь родной язык английскому и поговорить тебе на русском здесь не с кем, но уважь гостя, пожалуйста...

Они выпили ещё раз, затем ещё, потом снова. Они поти-хоньку приходили в состояние безмятежной расслабленно-сти, комфортабельного онемения, когда тёплая волна от же-лудка разливается по всему телу, создавая уют и умиротво-рение, когда нервозность и подавленность уступают место спокойствию и удовлетворённости, когда окружающий мир, нарисованный мрачными грязными цветами, начинает свер-кать яркими сочными красками.

Русский принёс очередную бутылку. Они опять выпили. Остановить их было невозможно. Они явно решили превы-сить все нормы. Они перестали обращать внимание на те-левизор. Войдя в раж, спели удивительную песню на англо-русско-французском языке чудовищными голосами и каж-

дый на свой собственный манер. Француз измазал дорогой, с иголки костюм и белоснежную рубашку соусом и маринадом, галстук съехал набок. Сазонов почти не пострадал, если не считать мокрого пятна в районе ширинки, которое красноречиво свидетельствовало о не совсем удачном посещении туалета. Оба выглядели, как закоренелые алкоголики. Они уже больше не закусывали. Они надирались до поросычьего визга.

Первым начал целоваться русский. Француз не возражал, наоборот, горячо приветствовал. Они пили и целовались. Когда же совершенно невменяемые, напившиеся вдрызг, они повалились на кровать, целуясь, шепча что-то приятное и весёлое друг другу на ухо и по-дурацки улыбаясь при этом, со стороны стало казаться, что отношения между ними приобретают гомосексуальный характер.

Иногда в порыве любовной страсти Жан-Жан выкрикивал что-то вроде:

– Сазонов, дорогуша, я тебя обожаю! Левша ты мой гениальный! Дай-ка я тебя в губки чмокну!

И они продолжали шептаться и обниматься, пока окончательно не затихли. Они уснули, как младенцы, так и оставив светиться экран телевизора. А перед тем, как полностью вырубиться, Сазонов в который раз почувствовал, что тело перестало ему

принадлежать...

Времени хронически не хватало. «Где Жан-Жан? – напря-

жённо думал русский. – В столовой его нет. Договорились ведь встретиться в «Вавилоне», а после вместе с разноязычной толпой отправиться на утреннюю прогулку. Где он? Без него я не справлюсь!» Сазонов посмотрел на наручные часы. До отхода лифтов – двадцать минут. Вот уже меньше – девятнадцать. Он спокойным шагом проследовал к выходу, минуя мужчин, сидящих за столами, поедающих всевозможную пищу, негромко переговаривающихся, жестикулирующих, курящих. Многих он знал лично – они были из его сектора —, многих понаслышке. Но сейчас они не здоровались с ним, да и он не приветствовал их. Ситуация с некоторых пор изменилась. Он теперь был чужой человек, незнакомый.

Как только Сазонов выбрался из столовой, он тут же бросился бежать вниз по лестничным пролётам. Хорошо, что никто не встретился ему на пути. Его быстрый бег привлёк бы нездоровое любопытство. А доносчиков на корабле всегда было в избытке.

«А-а, теперь всё равно!» – подумалось ему. Он спустился на три палубы ниже, запетлял лабиринтами коридоров. До каюты Жан-Жана – рукой подать. Однако он не спешил. Может, это ловушка? Он медленно бесшумно приблизился к двери, прислушался. Тихо. Ни единого звука. Русский осторожно тронул ручку, мягко надавил на дверь. Она была заперта. Тогда он вытащил из кармана куртки дубликат ключа, вставил в замочную скважину, плавно провернул. Чуть-чуть приоткрыл дверь – ничего не произошло. Приоткрыл

настолько, чтобы протиснуться самому. Вошёл в помещение и сразу же закрыл дверь. В каюте было темно. Электричество он не включал, смог без освещения осмотреться, сориентироваться.

Жан-Жан лежал на боку на кровати, до подбородка укрывшись одеялом, правая рука свешивалась с края. Казалось, он спал, но Сазонов вдруг отчётливо понял, что Жан-Жан не спит. «Остановилось сердце, как у Тэйлора!» – подумал он. Он подошёл поближе, присел на корточки, рукой коснулся головы француза. Точно в центре лба зияла круглая дырка от пули – с рваными обожжёнными краями. На полу у кровати валялись разбитые очки. Жан-Жана больше не существовало!

«Сволоочь японская! Как мне хочется тебя собственными руками удавить! Жан-Жана убил, паскуда! – русский представил, как дёрнулась голова француза, когда её прострелили. – Итак, ты сделал первый ход. Очередь за мной. Игра началась.

Смертельная игра. В ней победит самый хитрый.» Сазонов пошарил под подушкой, заглянул в ящики, поискал на стеллажах. Пистолета нигде не было. Ещё один прокол. Огисо пока набирает очки. Перевес пока на его стороне. Сазонов осторожно вышел из

каюты, огляделся – никого. Все пальцы были измазаны чем-то красным. Господи, да это же кровь Жан-Жана! Он вытер руки о внутреннюю сторону куртки. Посмотрел на

циферблат часов. Ровно через две минуты лифты двинутся вверх. Японцы пунктуальны, по-немецки педантичны. Кто не успел, тот опаздал. И хотя можно было успеть, он передумал ехать на лифте. Он начал спускаться вниз, туда, где заканчивалась жилая зона...

Это место не представляло труда обнаружить, потому что Жан-Жан достаточно подробно описал, как сюда добраться. Коридор имел короткое ответвление – тупик. В конце тупика на переборке висел большой ящик, за стеклом которого Сазонов увидел красный пузатый огнетушитель. С жёлтыми замысловатыми символами-иероглифами на нём. Внутри ящика была приклеена бумажка, исписанная тоже столбиками значков.

Всё это была лишь бутафория. Так, для отвода глаз. Сазонов раскрыл прозрачную дверцу, легко вытащил тяжёлый огнетушитель, снял ящик с петель. Гладкая переборка обманула бы любого, но ни его. Он прощупал поверхность, остро заточенным ножом вырезал кусок обшивки. Под ней оказался маленький овальный люк с задраенной металлической крышкой. Русский раскрутил штурвальчик, толкнул крышку люка.

Образовавшийся лаз вёл на лестницу аварийного выхода из машинного отделения корабля на верхнюю палубу. Он попробовал протиснуться в лаз, выставив вперёд левую руку. Ничего не получилось. Слишком маленькое отверстие, он застрял. Сазонов снял куртку цвета хаки, попытался снова.

Результат тот же. Куртка не при чём. «Что же делать? Может быть, этот лаз рассчитан только на японцев, на маленьких людей? Тогда я попал!» И тут до него дошло. Он выставил вперёд обе руки и фактически как бы нырнул в лаз, помогая себе двигаться телом.

За перегородкой шла тёмная вертикальная шахта, в одну из стен которой были вделаны стальные рифлёные скобы. За них-то он и уцепился. Он полностью втянул своё тело в шахту; почувствовав под ногами опору, полез вверх. Где-то под ногами слышался приглушённый шум работающих двигателей корабля. Он довольно быстро добрался до выхода из, казалось бы, бесконечно длинного колодца. Крышка люка была неплотно прикрыта, поэтому тонкая полоска света проникла в тоннель. «Интересно, если я сейчас сорвусь вниз, то останусь цел или нет?» – промелькнула сумасшедшая мыслишка.

Задрайки были открыты. Сазонов толкнул крышку, она почему-то не сдвинулась с места. Что-то мешало ей приподняться. Он внимательно осмотрел её – наверное, снаружи крышка прихвачена сваркой. Ничего не оставалось, как постараться открыть её силой. Он надавил на крышку рукой. Бесполезно. Увеличил нажим. Крышка не поддавалась. Он добавил ещё. Под воздействием чудовищного, нечеловеческого усилия сварка лопнула, крышка, лязгнув, распахнулась. На Сазонова из квадратного проёма смотрело светлое голубое небо.

Он высунул голову из люка. Справа, метрах в семидесяти в огороженной колючей проволокой прогулочной зоне он увидел людей из «Вавилона», поднявшихся сюда на лифтах. Их было несколько десятков, а то и вся сотня: учёные, изобретатели, специалисты своего дела, профессионалы, собранные здесь со всего мира ради чьей-то фантастической прихоти. Русский вспомнил коллекцию бабочек в доме у Натали. «В них тоже совсем скоро, как в Жан-Жана, воткнут булавки, только в отличие от бабочек их не выставят на всеобщее обозрение, а просто утопят в океане.» Что-то там, в загоне, было не так. Солдаты-японцы, всегда охранявшие зону вне её, по периметру, сегодня находились внутри вместе с охраняемыми. Они грубо расталкивали людей, кого-то искали. Русский заметил Патрика и Паскаля, ожесточённо ругающихся с солдатами. «Они ищут меня! – подумал он. – Если бы я пошёл той дорогой, меня бы давно уже повязали.» Слева, недалеко от лаза, стояли два монстра – похожие на крокодилов громадные вертолёт в полном боевом оснащении. Сазонов выбрался из шахты и побежал к ближайшему. Управлять вертолёт он не умел...

Огисо первым увидел, что винт у «единицы» начинает вращаться. Он понял и ужаснулся. Конечно, русский тут переиграл его, однако это не конец. Огисо отдал быстрые команды, солдаты бросились к вертолёту, на ходу стреляя по нему из автоматов. Геликоптер оторвался от палубы, но снова плюхнулся на шасси. Тот, кто сидел в кабине, плохо справ-

лялся с пилотированием. Солдаты вели огонь, не причиняющий винтокрылой машине значительного вреда. Неожиданно вертолёт резко взмыл в небо. Ещё немного и он улетит! Один морской пехотинец притащил базуку. Огисо отнял её у солдата, прицелился. Объект нервно болтался в воздухе, не позволяя точно попасть в него. Отдача ударила в плечо японца, реактивный снаряд угодил в подвесной топливный бак. Геликоптер охватило пламя. Огисо возликовал, но рано. Вертолёт ответил пулемётной очередью, крупнокалиберными патронами расстреляв бочки с горючим. Бочки взрывались и горели. Растёкшееся из них топливо образовало огненную стену, к которой нельзя было приблизиться. Превратившийся же в факел вертолёт рухнул на вертолётную площадку.

Солдаты и подключившиеся к ним матросы стали бороться с пожаром: раскручивали шланги, несли огнетушители. Огисо с удивлением для себя увидел русского, живого и невредимого, без парика, одетого в чёрную футболку, прожжённые, измазанные сажей армейские штаны и высокие кожаные ботинки. Русский бежал по трапам к ракетам. «Стреляйте!» – заорал, что было мочи, Огисо. Русский был уже у пусковой установки. «Стреляй в него!» – вопил Огисо, рукой указывая на русского солдату, вооружённому гранатомётом. Солдат выстрелил. Огисо увидел, как русскому оторвало голову прямым попаданием снаряда, и его тело свалилось за пусковую установку.

Наконец-то! Уничтожен! Огисо хохотал от восторга. И если бы он сам это не увидел, а ему кто-то бы рассказал о том, что случилось несколько минут спустя, Огисо ни за что не поверил бы лжецу. С пусковой установки левого борта самопроизвольно стартовала ракета класса «банзай» и, сделав головокружительный зигзаг, взяла курс на Японию. Огисо готов был поклясться, что к её гладкой поверхности каким-то немыслимым образом прилепился русский, у которого отсутствовала голова. Узкие щелочки глаз японца расширились до предела. «Дьявол!» – застонал он. Это было последнее, что он произнёс в своей жизни, так как зазубренный металлический осколок взорвавшегося вертолётa, «единицы», через секунду воткнулся ему в спину.

Я сидел на улице за столиком рестораника и читал газету. В руках у меня был свежий выпуск «Daily Tales». Напротив, через дорогу, высилось внешне малопримечательное здание, войдя в которое более полутора лет тому назад, я попал во владения Драббаха. Теперь же тут располагался отель, и один из его номеров занимал господин по фамилии Сазуки, то есть я. Все мои настойчивые попытки выяснить, куда исчезла компания «Drabbah Electronix», не привели ни к чему. Оказалось, что никто в отеле и в прилегающем к нему районе не только не знал этого, но и никогда не слышал подобного названия. А я, откровенно говоря, очень рассчитывал на успех. После событий, произошедших с ракетным крейсером «Осака», фирма Драббаха была единственной оставшейся зацепкой, чтобы до конца разобраться в истории, приключившейся со мной. Тогдашнее сообщение радиостанции Би-Би-Би навсегда сохранится в ячейках моей памяти.

Официант принёс чашечку кофе, я вылил его вовнутрь себя, не почувствовав вкуса. Нет, пожалуй, существует ещё ни точка, за которую стоит потянуть – отправиться в Гибралтар, где, по словам Альберто, имелась какая-то секретная лаборатория. Да, мысль заслуживает внимания. Почему бы мне туда и не съездить?

Выскочив из-за угла, к ресторанчику подкатил автомобиль. Если бы я не разучился удивляться, то я бы удивился. С автомобилем мы были давние знакомые. На его чёрном крыле красной краской была начертано: «aspid». Из чёрной машины вылез чёрный человек, направившийся в мою сторону. Облачённый в чёрное Роберт, водитель «аспида», по-прежнему не желал снимать свои тёмные очки. Вопреки остальному миру он не менялся.

– Бобби! – воскликнул я. – Сколько лет, сколько зим! Присаживайся, старина! Что тебе заказать?

Я подал знак официанту. Роберт в нерешительности раздумывал, как себя вести со мной. По-видимому, он не ожидал столь радушного приёма. Однако предложение сесть принял и даже сказал:

– Я выпью кофе.

Я заказал две порции.

– Боб, если мы в следующий раз снова встретимся через полтора года, а сегодня наше с тобой общение опять сведётся лишь к нескольким ничего не значащим фразам, я бы хотел, чтобы ты ответил на ужасно интересующий меня вопрос. Я просто не выдержу такой срок вторично и сгорю от любопытства. В прямом смысле... Почему ты постоянно носишь чёрные очки, ведь солнца нет, и, похоже, собирается дождь?

Официант молниеносно принёс горячий кофе. Негр, сделав глоток, ответил:

– Это не очки. Это глаза. Я слепой от рождения. Мой хо-

зьян, мистер Майкл Саймон Третий – пошли, бог, ему здоровья! – дал мне зрение таким вот способом.

Я изобразил на лице любопытство – у меня неплохо получалось – и пригляделся. Действительно, очки отличались от обычных конструкций коробчатостью формы, они плотно прилегали к поверхности кожи. Глаз видно не было. Вероятно, Роберт прочёл на моей физиономии кроме любопытства ещё и недоверие, потому что он добавил к сказанному:

– К сожалению, я не могу их снять и показать вам, поскольку устройство частично вживлено в мою голову, я и сплю с ними... Ничего страшного, я привык.

Шутливый тон моего вопроса приобрёл горьковатый вкус. Я сказал:

– Извини, Бобби, я не знал.

– Мистер Сазонофф, – он по-прежнему неправильно выговаривал мою фамилию. – Я приехал за вами. Мой хозяин, мистер Майкл Саймон Третий, просит вас прибыть в его резиденцию.

– Ну, во-первых, я теперь не Сазонов, а Сазуки, а, во-вторых, за кого вы все меня держите?! За дурака или мальчика для битья?! Я не желаю, чтобы меня в очередной раз дырявили или втягивали в скверную историю в качестве подопытного животного... Куда исчезла фирма Драббаха?!

Я повысил голос, чтобы у Бобби создалось впечатление, что я раздосадован, что я невероятно зол. Размешивая ложечкой сахар, он спокойно произнёс:

– Господин Сазуки, очень жаль, но у меня нет ответа на любой ваш вопрос, так или иначе связанный с делами моего хозяина. Я всего лишь водитель вон того замечательного автомобиля. Только мистер Майкл Саймон Третий способен удовлетворить ваш интерес и никто другой.

Ну и хитрая bestия этот негр! Наверняка в курсе всех грязных операций своего босса. Да, они прекрасно понимают, что возможность докопаться до истины я не упущу. На этом и играют. Тем не менее, я продолжал прикидываться оскорблённым.

– Он хочет использовать меня вместо кондома, или он надеется каким-то образом меня прикончить? А что будет, если я откажусь?

– Конечно, то, что вы сейчас услышите, слабо утешит вас, господин Сазуки, однако я всё же скажу. Мистер Майкл Саймон Третий гарантирует вашу неприкосновенность. Мистер Майкл Саймон Третий просил передать, что он не собирается причинять вам зла. Он просто хочет поговорить с вами и кое-что уточнить. Если же вы откажетесь ехать, то он не настаивает, хотя мистеру Майклу Саймону Третьему будет и досадно...

Заладил – Майкл Саймон Третий, Майкл Саймон Третий! Почему не Четвёртый? Кто он вообще такой?

– Кое-кто тоже гарантировал полную мою безопасность, а потом из базуки в меня стрелял! Почему бы ему самому не приехать ко мне?

Бобби допил кофе, бросил на столик несколько монет, собрался уходить.

– Для него это опасно. Так вы едете или нет?

Я сдался:

– Ладно. Посмотрим на твоего хозяина, что за фрукт.

Перевес был явно на их стороне. Они диктовали условия. Мне пришлось подчиниться, несмотря на значительный риск. Я опрокинул содержимое чашки в рот, не почувствовав ничего, прибавил к Робертовским монетам купюру с портретом королевы, и мы направились к автомашине...

«Аспид» свернул со скоростного шоссе, по которому мы неслись, словно бешеные, на просёлочную асфальтированную дорожку. Автомобиль неспешно покатился среди зелени лугов и кустарников. Вокруг было довольно красиво, природа возрождалась после зимнего безвременья. Впереди между изумрудных крон деревьев, как в сказке, возник удивительно симпатичный замок. Четыре высокие башни, напоминающие шахматные фигуры – ладьи, стояли по углам. Заканчивающиеся зубцами стены хорошо сохранились вопреки столетиям, но заросли мхом и лишайником. В узкие окна были вделаны замысловатые решётки, всюду застеклённые. Над одной из башен развевалось цветное полотнище. Замок создавал впечатление торжественности и величия. Перед замком имелся сухой неглубокий ров, через который был перекинут старинный мост на цепях. Машина въехала в ворота.

Бобби припарковал «аспид» во внутреннем дворике рядом с роскошным «гепардом». Здесь также стояли новенькие спортивные «бета джульетта» и «жёлтый дьявол». Каждая автомашина стоила целое состояние. Вместе с Бобби мы вошли в холл замка. Красная ковровая дорожка, лежащая на чёрных мраморных ступенях спиральной лестницы, уводила куда-то вверх, под самую крышу. На обтянутых бархатом панелях висели

подёрнутые трещинками картины в золочёных рамах, изображающие либо средневековые батальные сцены, либо морские пейзажи. Мы двинулись по спирали.

На лестничных площадках то и дело встречались пузатые китайские вазы, наполненные живыми цветами, или изумительной работы часы в вычурных корпусах, показывающие почему-то совершенно разное время. Мы свернули с лестницы в длинный тёмный коридор. Роберт проводил меня до ближайшей двери и впустил в помещение за ней.

Полной противоположностью увиденному до этого была обстановка помещения, куда я попал. Прямоугольной формы оно несло на себе достойный отпечаток современной цивилизации, воплощало традиции дизайна конца двадцатого, начала двадцать первого столетия. В грузном кресле – которое-то и креслом нельзя было назвать, скорее это был трон, но сделанный из пластика, нержавеющей стали и натуральной кожи —, установленном на некотором возвышении, постаменте, сидел довольно молодой человек, мужчина, заки-

нув ногу на ногу. Одет он был в изысканный белый фрак, такого же цвета рубашку и брюки, а также белые туфли. Белый галстук-бабочка дополнял коллекцию. Его длинные, не менее белые, чем вся его одежда, волосы были собраны в тугой узел на затылке. Человек, перебирая пальцами, катал по ладони левой руки два крупных золотых шара. Прозрачное стекло, делившее помещение пополам, отгораживало его от меня.

– Привет, Алекс! Рад тебя видеть! – сказал он, как ни в чём не бывало. – Как поживаешь? – незнакомцу было известно моё имя, которое, надо признаться, я и сам уже начал подзабывать, точнее, давненько им не пользовался. – Я знал, что ты ухватишься за

возможность заглянуть за занавес. Ты чрезвычайно любопытен. Наверное, в детстве любил разбирать игрушки, чтобы выяснить, как они устроены?...

– Тебя зовут Майкл Саймон Третий? – спросил я.

– Да, ты прав. Извини, что не предлагаю тебе сесть. Думаю, теперь для тебя это не имеет особого значения.

Я приблизился вплотную к стеклу, постучал по нему пальцем.

– Ты здорово меня боишься, если заслонился щитом, не так ли?

– Ну что ты! Ты для меня совершенно неопасен, разве что чуть-чуть. Стекло установлено в большей степени в твоих интересах, нежели в моих...

Человек говорил по ту сторону толстого стекла, а звук шёл в моей половине. Где-то тут располагались динамики, а у него – микрофон. В общем-то при желании можно было бы его и отключить, если он надоест мне в конечном счёте своей болтовнёй.

– ...А вот господам Огисо и Дрabbаху я постоянно вбивал в их чугунные мозги, чтобы они были предельно осторожны с тобой, но, как видно, мой совет они восприняли недостаточно серьёзно... Разреши тебя поздравить с новой головой! Надеюсь, она не хуже

той, что досталась тебе на «Осаке»? Я вижу, ты приобрёл и новое лицо; оно не похоже ни на лицо Сазонова, ни на лицо Парсонса, нечто среднее между азиатским типом и европейским. Знаешь, Сазуки-сан, а мне нравится...

– Так, значит, вся эта затея по созданию кибернетических людей принадлежит тебе, или кто-то ещё стоит за твоей спиной? Кто ты? Какова главная цель? Для чего это нужно? Ты хочешь править миром?

– Прежде чем ответить на твои вопросы, Алекс, позволь мне сначала сказать тебе парочку слов. Я пригласил тебя сюда не для того, чтобы убрать, как нежелательного свидетеля моей деятельности. Я попробую объяснить тебе свою позицию. Ты же нужен мне в качестве ну если ни друга, то хотя бы в качестве сторонника. Однако сразу предупреждаю, в случае полного взаимного непонимания и расхождения во взглядах я не буду преследовать тебя и пытаться умертвить.

Ты заработал право жить столько, сколько сможешь...

Он перевёл дыхание.

– Я являюсь главой корпорации «American Electric». Компания, основанная ещё моим дедом, стала приобретать известность при отце, Майкле Саймоне Втором. Я же сумел довести её мощь до ранее невиданных масштабов. Корпорация, ориентированная в основном на радиоэлектронную продукцию, завоёвывающую, кстати, всё большую и большую популярность на планете, превратилась, благодаря моим усилиям, в огромную

разветвлённую империю, имеющую свои многочисленные отделения почти во всех странах мира, где правительством гарантируется стабильность в бизнесе. Суммарный годовой оборот «American Electric» превысил сто миллиардов долларов, достигнув уровня годового бюджета целой страны или нескольких стран.

Я сделался сказочно богатым. Мой отец даже не мечтал о подобном состоянии. Знаешь, обладая колоссальными деньгами, человек, как правило, сходит с ума. Не каждый способен выдержать испытание всевозможными соблазнами, которые становятся доступными. Я мог себе позволить, что угодно: покупать острова и футбольные команды, высокие титулы и фешенебельные дома, дворцы и замки, ездить на «долоресах» и

«крэйзилаках», летать на собственных реактивных «генрихах», плавать на яхтах, купить билет в космос, одевать-

ся, как короли, есть любую еду, известную на земле, спать с голливудскими звёздами. Я мог позволить себе осуществление самой заветной мечты и страсти, на какую был способен, безумствовать: купаться в бассейне с шампанским, просаживать в казино за вечер столько, сколько обычный человек не зарабатывает за всю его жизнь, испражняться в золотой унитаз и так далее. И кое-что из перечисленного, надо заметить, я себе позволил.

Но потом, спустя время, когда я очень близко столкнулся с так называемым «высшим обществом», как говорится, с самими «сливками» Америки, да и не только её, я понял, что, став одним из них, меня ждут впереди либо наркотики, алкоголь и секс, с каждым разом всё в увеличивающихся дозах, либо работа ради работы – безостановочное делание денег неизвестно для чего. И первый вариант, и второй меня не интересовали. Я достиг предела, когда деньги перестают играть важнейшую роль в жизни человека, и он начинает думать, а что дальше?...

Я слушал Майкла Саймона Третьего, не перебивая. Он увлечённо продолжал, катая золотые шары по ладони:

– Итак, я столкнулся с проблемой выбора. Деньги у меня были, у меня не было смысла жизни. Я его потерял. Я хочу сказать, что настоящего, действительно весомого, в моём понимании, смысла жизни на земле, по-видимому, не существует. Человечество находит его в различного рода бредовых теориях, абсолютно не представляя, для чего оно вооб-

ще возникло и куда движется. Жизнь человека довольно коротка. Подобно бабочкам-однодневкам человеческое существо рождается, чтобы едва-едва рассмотреть, где это оно, собственно говоря, находится, и что его окружает, и затем, не поняв практически ничего, умереть, распасться на химические элементы.

Основная масса людей обременена пустяковыми заботами, на которые тратится всё отпущенное им богом время. Некоторые всё-таки задаются вопросом, для чего я живу? и, не найдя ответа, но чтобы хоть как-то оправдать своё появление на свет, придумывают себе свой личный смысл – будь то зарабатывание денег, слава и известность, власть, продолжение рода, любовь к близкому человеку, получение удовольствий, новых ощущений, либо просто видя смысл жизни в том, чтобы послушать как можно больше музыки, например. Меня больше не устраивало видеть смысл жизни в процветании «Электрика», я искал теперь нечто, на что можно было бы истратить мой огромный капитал, но истратить его с умом.

Вероятно, крупницы будущей идеи возникли в моей голове, когда я смотрел научно-фантастические фильмы, связанные с роботоподобными людьми. Может, это был «Триумфатор» или «Андроид», или «Кибермен», или что-то вроде того, я не знаю. По мере накопления информации в подсознании крупинки складывались, словно паззл, в некую картинку, постоянно пополняющуюся свежими штрихами и оттен-

ками, до тех пор, пока я не увидел то, что на ней изображено.

Понимаешь, немаловажным фактором, повлиявшим на окончательное решение, помимо прочего, послужило то обстоятельство, что я стал стареть. У меня появились седые волосы, морщины под глазами. И хотя я ещё, естественно, молод и полон сил, во мне начался процесс увядания, я перевалил через пиковую точку, вершину горы, стал спускаться вниз, к её подножию, то есть к смерти...

Я добавил увеличение, приблизил изображение. Его лицо было покрыто сеточкой морщинок и мелкими ямочками от какой-то кожной болезни, густо замазанными гримом. Волосы свои он, похоже, красил.

– ...Я неожиданно осознал, что пока мы молоды, нас не волнует слово «смерть»; мы понимаем, что когда-то умрём, но это «когда-то» всячески отодвигаем, стараемся не думать о смерти. С возрастом человека охватывает паника, он ощущает, что конец неминуем. И всё равно никак не может постичь, как это так, меня не будет. Разве такое возможно? Человек бежит, суетится, достигает каких-то меркантильных целей, а потом в один прекрасный момент – бац! ему уже не нужно ничего, и он никому не нужен. Он просто превращается в грудку мяса с костями. Что-нибудь может быть глупее? Я посчитал это чертовски несправедливым. Почему я должен умирать, ни в чём не разобравшись? Разве мы стали разумными затем, чтобы мало чем отличаться от животных?... Ты можешь себе представить всех живших на зем-

ле людей одновременно? Чудовищные горы трупов! Небоскрёбы из мертвецов! Среди них – светлейшие умы, таланты, гении, уникальные произведения природы. Все они умерли. Это страшно!

Бессмертие – вот та главная идея, ради которой я отдал свои миллиарды. Я не захотел дожидаться, когда где-нибудь – или в Штатах, или в Англии, или в любой другой стране – найдут какой-нибудь там ген, влияющий на здоровье человека либо на процесс старения. Я мог бы просто не дожидаться того момента, когда наука научилась бы реально продлевать жизнь. Да и не решились бы эти открытия проблему кардинально. Клонирование, например. Не бессмертие это во все. Я же достиг желаемого иначе...

Нет, я не хочу править существующим миром, хотя подобная возможность в принципе сейчас и имеется. Этот мир устарел, в нём больше нет ничего, что бы меня прельщало. У меня теперь есть новый мир, гораздо заманчивей предыдущего, с новыми ценностями. Я не собираюсь уничтожать старый мир, он сам себя уничтожит. Пусть мой мир будет параллельным. Посмотрим, кто из нас быстрее окочурится... – в его глазах появились весёлые искорки. – Надеюсь, я ответил тебе, Алекс?

– Значит, ты решил стать вечным, чтобы совершенно не зависеть от времени и случая, выясняя, для чего нас придумал всевышний?

– Да, чтобы узнать, как устроена игрушка...

– Кто участвовал ещё в осуществлении твоего плана? – спросил я.

– Если тебе нужны подробности, я вкратце расскажу. У меня были друзья в ЦРУ и Пентагоне. Я подключил их, без их помощи я бы не справился. Надо признать, они провели поистине гигантскую работу по сбору специалистов для лаборатории со всего света. Правда, сейчас они перешли из разряда моих друзей в стан врагов, так как захотели претендовать на право распоряжаться технологией, однако я убедил их, что с гибелью ракетного крейсера «Осака» погиб и проект. Чрезвычайные меры секретности, побудившие ЦРУ – а это была их задумка – разместить лабораторию на борту корабля, причём принадлежащего ВМФ Японии, обернулись в конце концов против них же. У меня имелись другие предложения на этот счёт, но они слушать меня не пожелали. С некоторых пор ситуация вышла из-под моего контроля.

Мистер Майкл Саймон Третий перебросил ногу.

– И никто не уцелел с «Осаки»?

– Разве ты не слышал официальное сообщение? Оно не раз передавалось в эфире. Не только никто не уцелел, но и невозможно собрать то, что осталось от судна после взрыва.

– Тогда я не понимаю, каким образом ты собираешься строить новый мир, упоминаемый тобой?... Может, ты хочешь...

– Нет, я не буду превращать тебя в батискаф, чтобы найти «транссквизер», как назвал его Хай Фай, на дне Тихого

океана, тем более что его там нет. Я перехитрил их. За час до катастрофы я вывез и Великого Китайца, и его замечательный прибор на вертолёт, на «тройке». Когда я посмотрел видео, где вы с французом ломали комедию перед Огисо, якобы напиваясь, а на самом деле обговаривая последние детали предстоящей акции, до меня вдруг дошло тогда, что ты намереваешься сделать. Ты влез в тело, предназначавшееся для Парсонса! Операция прошла гладко. Никто не заметил подмены, ведь по комплекции вы с ним были одинаковы, к тому же бритоголовые все на одно лицо, и Жан-Жан тебя прикрывал. Я не сказал ничего Огисо, а он хватился поздно...

Я представил своё тело с треугольником из родинок на ноге, лежащее в холодильнике там, на «Осаке». Что с ним стало?

– ...Судовой радист, связавшийся с нашим вертолёт, успел сообщить, что на борту крейсера сильный пожар, один из подопытных хотел угнать «единицу», и кто-то запустил ракету класса «банзай». Мне кажется, пожар добрался до арсенала и...

Я вспомнил тот фантастический полёт. Я очень опасался японской ПВО, поэтому удерживал ракету как можно ближе к поверхности воды. Я сказал:

– Подозреваю, что «добровольцев» набирали не из наркоманов и приговорённых к смертной казни, а из числа нормальных людей.

– Я не выяснял досконально, но у меня сложилось такое же мнение; я беседовал с большинством, психических отклонений не заметил. ЦРУ и Пентагон в очередной раз пере-страховались. С точки зрения непредсказуемости поведения после проведения

эксперимента изначально ущербных подопытных, вероятно, они были правы...

– ...А с моральной точки зрения они действовали как фашисты.

– О какой морали ты говоришь?

– Те, которых отправили на атолл, выжили?

– К сожалению, нет. Ударная волна и гамма-лучи погубили их.

– Смерти, смерти, смерти... Сначала Дрabbах, потом «добровольцы», затем Тэйлор, Жан-Жан, сотня шведов, американцев, немцев, французов, голландцев... плюс японцы.

Твоё бессмертие дорого обошлось простым смертным. Ты такая же сволочь, как и твои друзья, Майкл! Не удивлюсь, если окажется, что это ты подорвал крейсер, предварительно заложив мины перед тем, как сбежать на вертолёте.

– Если бы ни я, твои ошмётки уже сожрали бы рыбы!

– Ты меня просто использовал, – я сильно ударил по стеклу. Он не испугался, стекло было крепкое. Он невозмутимо перекачивал шарики. Я попробовал приподнять стекло.

Электроника срабатывала, но что-то ещё мешало ему под-

няться.

– Ну-ну, полегче! – сказал обладатель невиданной никогда ранее на земле технологии. – И не нужно насиловать микросхемы, здесь предусмотрена механическая блокировка, против которой ты бессилён, – потом он добавил: – Я дал тебе новое тело, Алекс. Тело поистине великолепное. Тело, о каком ты и мечтать не смел. В построении которого, кстати, ты сам принимал живейшее участие, и сегодня ты пользуешься результатами своего труда тоже. Ему не страшны человеческие болезни. Природа не сумела полностью защитить человека, ежедневно люди гибнут от всякой заразы. Ты получил в отличие от мягкого, слабого, непрочного человеческого крепкое, надёжное, долговечное тело. Теперь тебе наплевать на старость, на авиакатастрофы; если тебя собьёт машина, ты останешься цел.

– Благодаря тебе я перестал быть человеком. Я – не человек. Ты сделал из меня «сквиза», «выжимку».

– Выжимку из тебя сделали до того, как ты попал в лабораторию на «Осаке»! Сейчас ты больше человек, чем был, когда имел органическую плоть и кровь. Прежде всего, у тебя почти нет страха. Страх перед боссами, перед безработицей, страха, что завтра тебе нечего будет есть, страха перед войной, страха прожить свою жизнь впустую, ничего не успев, страха смерти. Ты стал могущественным. Человечество для тебя – ничто. Ты на несколько порядков выше. Его проблемы ты для себя решил. Ты обладаешь тем же интел-

лектом, что и раньше, и даже лучшим, так как после операции вспомнил то, что давно забыл. Объём твоей новой памяти грандиозен, ты можешь затолкать туда все книги, к примеру, напечатанные на планете.

Ты говоришь, что ты не человек. А что такое человек? Роберт – человек или нет? У него искусственные глаза, телекамеры вместо глаз, однако он видит лучше меня! Если человеку сделать искусственные руки и ноги, внутренние органы, влить синтетическую кровь, будет ли он, как и прежде, человеком? Безусловно! Человека определяет разум, его мозг. Мысль – вот что такое человек. Чего тебе не хватает? Кожного восприятия и вкусового? Ты забыл, как пахнут цветы? Или тебе недостаёт огромного, возбуждённого, сочащегося спермой члена между ног, чтобы воткнуть его в какую-нибудь красотку? Ты многого хочешь сразу. Твоё тело – лишь первая модель. Мы создадим тело ещё совершеннее. Хотя, не исключено, что такую вещь, как получение удовольствия от совокупления с женщиной, мы заменим на нечто более полезное. Потребность в женщине – это одна из зависимостей и несвобод для мужчины. Наркотик.

«Он, наверное, гей, – подумал я. – Или импотент.»

– Ответь мне, Алекс, – сказал он, – а почему ты всё же предпочёл влезть в чужое тело, хотя мог остаться в своём собственном?

– Да потому, что я иначе бы не выжил! Как только я попал на борт корабля, я понял, что все, находящиеся там, – покой-

ники! Вы заставили меня так поступить! – я почти кричал.

– Нет, не поэтому. Уверен, ты бы нашёл иной способ выбраться оттуда. А знаешь, почему? Потому что ты этого хотел! Ты сообразил – тебе это подходит по всем статьям. Потому что тебя изнасиловало общество, в котором ты жил, правительство насрало на тебя, ты потерял веру в людей. Тебя давно превратили в робота, в винтик сатанинской машины. Разве нет?

В общем, если честно, он был прав. Он видел меня насквозь, словно рентген.

– Ладно, – сказал, помолчав, я, – Хватит!.. Что тебе от меня нужно?

– Мне было бы достаточно, чтобы ты задумался над тем, что я тебе сказал, и решил для себя, с кем ты. Мне было бы очень неприятно считать тебя своим врагом. Тем более что ты мне симпатичен. Мне импонирует твоя находчивость, твоя тяга к жизни. Да и где-то ты близок мне по духу, и, кроме того, мой дед был выходцем из России. Его звали не Майкл Саймон, а Михаил Симонов, к твоему сведению. Я был бы счастлив, если бы ты стал помогать мне, помогать добровольно. Предстоит выполнить гигантский объём работы.

– Что за работа? – спросил я. – Какие у тебя планы?

Мистер Майкл Саймон Третий вытащил из внутреннего кармана белоснежного фрака плоскую чёрную коробочку, нажал на кнопку. В моей половине вспыхнул большого размера экран телевизора, вмонтированного в стену. Я увидел

раскосого Хай Фая, Великого Китайца; с ним был кто-то, кому он что-то оживлённо объяснял. Этот «кто-то» был ужасно похож на знаменитейшего американского певца Джайкла Мэксона. Точно, это он! Те же длинные, набриолиненные волосы, частично прикрывающие лицо, та же плохо отбеленная кожа, взгляд старика-ребёнка, белые перчатки на руках. Они шли среди нагромождения оборудования, поставленных один на другой приборов, свисающих связок разноцветных проводов. Звука не было. Прокомментировал Михаил Симонов Третий:

– Ты не ошибся, это действительно Джайкл Мэксон, а не «трансквизермен» с его внешностью. Это «живая» трансляция, он – в восточной башне, во флаг-башне. Хай Фай предлагает ему бессмертие, которое Джайкл ищет всю свою жизнь...

Ходили упорные слухи, что Мэксон вбил себе в голову, что он должен прожить 150 лет. Для чего он якобы ел только полезные, экологически чистые продукты, пил исключительно минеральную воду, спал в барокамере с кислородом, носил перчатки и маску, чтобы не заразиться болезнями от окружающих.

– ...За деньги, разумеется. Я израсходовал практически всё, что заработал. В настоящий момент мне необходимы средства на дальнейшие исследования. И я возьму их у богатейших людей мира. Джайкл не самый богатый, но он мой человек. Посмотри, как горят его глаза! Конечно, это не зна-

чит, что моё бессмертие только для «тугих кошельков». Богатые заплатят за тех, кто за себя заплатить не может.

– Ты сам будешь отбирать людей для своего нового мира?

– Да, я и никто другой!

– А если какой-нибудь гений или учёный не захочет?

– Пусть умирает!

– Среди твоих клиентов будут султаны и короли, президенты и бизнесмены, не так ли?

– Только те, кого выберу я. Это будет узкий круг лиц, чтобы не переполошить человечество в целом. Отдавать ему технологию чрезвычайно опасно. Оно извратит задуманное мной. Главное, успеть, пока существует возможность, пока ЦРУ до меня не добралось.

– Не проще ли было бы усовершенствовать «трансскви-зер» и сделать миллион майклов саймонов третьих?

– Ты хорошо мыслишь!.. Ну, нет – слишком скучно и просто. Хочется сложно и занимательно. Мне постоянно требуется гимнастика ума.

– А ты не боишься снова потерять контроль над ситуацией?

– Такая угроза лишь добавляет азарта.

Он поднялся, подошёл к прозрачному барьеру. Мы стояли друг против друга, глаза в глаза, толстое стекло разделяло нас. Он скрестил руки на груди. Я заметил у него на пальце изящное платиновое кольцо с крупным бриллиантом. Он произнёс:

– Ты обвинил меня, Алекс, в гибели ни в чём не повинных людей. Наверное, косвенно я виноват. Да, я затеял дело, которое неизвестно к чему приведёт в итоге. Легче всего было бы ничего не делать, наслаждаться благами цивилизации, прожигать жизнь в праздных развлечениях. Но для того мне богом дан разум, чтобы я попытался добраться до Создателя. Я испытываю громадную потребность встретиться с ним тет-а-тет, как с тобой сейчас, и задать парочку вопросов. И пусть он попробует мне на них не ответить!

Майкл Саймон Третий сказал всё. Экран телевизора погас. Алмазом по стеклу он нацарапал пять букв и ушёл, выйдя в дверь позади кресла-трона. Золотые шары остались лежать на сиденье. Я тоже направился к двери. Перед тем, как покинуть помещение, обернулся и ещё раз прочёл Саймоновские каракули. На стекле было написано: «THINK» («ДУМАЙ»).

Когда мы выехали за территорию замка, Бобби спросил меня:

– Куда изволите доставить?

– Положи туда, где взял.

Накрапывал мелкий дождик.

6

Сазонов отпустил такси метров за сто до девятиэтажника. Подойдя к двери подъезда, он понял, что цифры кода, сохранившиеся в его памяти, не потребуются – замок был раскурочен до такой степени, что от него осталось лишь название. Лифт не работал, и на шестой этаж пришлось идти пешком. Поднимаясь по ступенькам вверх, он то и дело натыкался на лепёшки земли, занесённые сюда подошвами жильцов, и на всевозможный бытовой мусор, начиная с обёрток от конфет и шоколада и заканчивая пустыми бутылками из-под минеральной воды и пива. Грязи было много, оттого что лестницу никто не подметал. Стены чья-то хулиганская рука расписала нецензурными словами. Ему особенно запомнился стишок, нацарапанный на белой штукатурке, видимо, ржавым гвоздём:

Девочки не бойтесь секса
Хер во рту послаще кекса

«Да, уровень культуры заметно возрос за время моего отсутствия», – подумал он. Практически все деревянные, обитые дерматином двери на этажах теперь были снаружи продублированы металлическими дверями, чтобы грабители не могли их взломать. Вид их напоминал тюремные камеры.

«Позалезали в свои норы, как кроты», – подумал он.

Двести восемнадцатая квартира тоже имела стальную дверь, прикрывающую её обитателей от непрошенных гостей. Выкрашенная коричневой масляной краской она смотрела на Сазонова вставным стеклянным глазом. Где-то, этажом или двумя выше, на лестнице кто-то тихонько пел под гитару чистым, почти мальчишеским голосом. Что-то о цинковых гробах и матери, не дождавшейся сына. То ли об Афгане была песня, то ли о чеченской войне. Алекс вынул из кармана джинсовой куртки кубик жевательной резинки, снял с неё упаковку, пальцами размял жвачку и залепил ею кругляшок глазка. Затем он надавил на кнопку звонка. За двумя дверями раздалась приглушённая трель. Несколько минут подождал. Тихо. Снова нажал на кнопку. После третьего раза с противоположной стороны спросили:

– Кто?

Синтезированным голосом Натали Сазонов сказал:

– Открывай, это я, Наташка!

За дверью подумали, послышалась возня, щёлканье отпираемых засовов, металлическая дверь тяжело отворилась. На фоне освещённой прихожей возник наполовину голый человек. Лет тридцати пяти, грузный, с копной густых плохо причёсанных волос, с чёрными седоватыми усами, с покрытой шерстью, словно зверь, обнажённой грудью он водянистыми глазами, не мигая, уставился на Алекса.

– Ты кто такой?

Потом, выйдя наружу, он отодрал с глазка прилепленную жвачку, смачно матюгнулся и добавил:

– Что за шуточки?! Твоя работа?

Сазонов утвердительно кивнул.

– Чего ты хочешь? – спросил волосатый.

– Надо поговорить, – ответил Алекс.

– Ну, заходи.

Обстановка в прихожей не изменилась. Сазонов узнал и зеркало, и телефон, и ковёр, и встроенный шкаф для верхней одежды. Задница волосатого была обмотана широким махровым полотенцем, над краем которого нависал большой живот. Волосатый хлопнул дверями и произнёс:

– Говори.

Алекс слегка неуверенно начал:

– Здесь раньше жила Натали... Я хотел бы знать, куда она пропала.

– Ты ошибся, никакая Натали никогда не жила в этой квартире. Тут всегда я жил.

Ни тени смущения на лице полуголого.

– Дело в том, что она не только жила здесь, но и умерла на твоей шикарной кровати в спальне!

– Ты несёшь какую-то чушь. Кто ты такой?

– Странно, что ты ничего не слышал о Натали. Может быть, моя фамилия тебе знакома лучше? Она звучит так – Сазонов!

– Как? – переспросил он.

– Сазонов!

Его физиономия подозрительно вытянулась, он вдруг за-
суетился, заспешил в спальню, на ходу бросил:

– Сейчас, подожди, мне нужно одеться!

Алекс медленно последовал за ним, уже зная, зачем воло-
сатый туда убежал.

Спальня практически ничем не отличалась от той, кото-
рую он когда-то давно покинул. Правда, теперь вместо мёрт-
вой Натали на синих простынях лежала живая незнакомая
ему девушка. Девушка была полностью голенькая. «Я отвлёл
их от очень важного дела. Они занимались любовью», – по-
думал он. Её партнёр стоял рядом с кроватью, держа в ру-
ке пистолет с глушителем, дулом направленный на Сазоно-
ва. «Немецкий «хельмут»», – определил он марку оружия, а
вслух сказал:

– Так это ты, значит, бабочек коллекционируешь.

– Стой там и не двигайся! – приказал волосатый. – А то
просверлю в тебе дырку... И руки подними!

Алекс послушно выполнил условия.

– Золотце моё, – обратился бандит к девушке, – обыщи-ка
его!

Девушка слезла с кровати; не стесняясь своей наготы, по-
дошла к Сазонову. Полные груди у неё при ходьбе покачи-
вались из стороны в сторону. Как только она приблизилась
к Алексу, он схватил её и, словно котёнка, бросил назад на
кровать. Опешившая девушка, пролетев полкомнаты, визжа,

свалилась на матрас.

И в этот момент волосатый выстрелил. Пуля пробила ногу; Алекс, притворившись, что ему ужасно больно, как подкошенный, рухнул на пол. Он стонал и охал довольно натуралистично, штанина в районе раны окрасилась в багряный цвет. Бандит взял с тумбочки мобильный телефон, набрал номер и сказал в микрофон:

– Алло!.. Борис Михайлович, это я!.. У меня ЧП... Припёрся родственник того козла, с которым мы работали пару лет тому назад... Сазонов, помните?... Да... Я знаю, что у него не было родственников... Нет, не смотрел... Сильно брыкается, гад... Здоровый чёрт, Галку, как чинарик, швыранул... Пришлось его малость попортить... Нет, ногу ему проткнул... Да... Пока не выяснил... Сейчас допрошу его по всем правилам... Что с ним делать?... Ага... Жду... Так точно, шеф!..

Сазонов слышал весь диалог. Борис Михайлович собирался лично приехать. «Это мне подходит», – подумал он. Алекс неподвижно скорчился на полу, прикрыл глаза, затих, вроде как сознание потерял. Волосатый подошёл вплотную, ударил ногой в тапке ему в пах. Алекс не реагировал. Он повторил упражнение. Сазонов безмолвствовал. Тогда волосатый стал обыскивать лежащего, доставая из карманов джинсовой куртки их содержимое. Неожиданно потерявший сознание нанёс ему мощный удар в нос, и бандит отлетел к кровати, выронив «хельмут».

Сазонов спокойно поднялся; подобрав пистолет, нацелил его на волосатого. Кровавая струйка из разбитого носа залила губы, закапала с подбородка на голое тело бандита. Девочка на кровати с расширенными от страха глазами наблюдала за происходящим.

– Для чего вам понадобился Алекс? – спросил Сазонов.

Волосатый молчал. Алекс снова задал тот же вопрос. Бандит искал способ отомстить.

– Я даю тебе пять секунд, – произнёс Сазонов. – Если ты не скажешь, я узнаю это у твоего шефа, который едет сюда, а тебя прикончу. Раз... два... три... четыре...

– Мы должны были его напугать, сильно напугать. «Создать атмосферу полной безысходности и душевного опустошения», как сказал Михалыч, – плюясь кровью, заговорил бандит. – Мы даже пожертвовали Наташкой, такой тёлкой! До сих пор жалею, как вспомню... Это всё шеф придумал, его идея. Чтобы Алексу нутро перевернуть.

– Зачем? – Сазонов направил дуло ему прямо в лоб.

– Не имею понятия. Как я ни добивался, шеф ничего мне толком не объяснил. Зато хорошо заплатил. Я на те бабки тачку взял, «вэ-эм-вэ», не новую, конечно, но всё равно... Пришлось утрясать с полицией смерть Натали, но её причина была очевидна – передозировка наркотика...

– Натали и Алексу подсыпала наркотик?

– Да.

– Почему же она умерла, а он – нет?

– Мы приготовили два пакетика, для него и для неё. Отдельно. И я подозреваю, что в её пакетике кроме наркотика был яд, либо там просто был очень сильный наркотик и чересчур большая доза. Эти пакетики мне передал Борис Михайлович. Наташка не знала, что умрёт...

Резким движением бандит попытался выбить пистолет из руки Сазонова, но Алекс увернулся и в свою очередь врезал рукояткой «хельмута» по черепу волосатого. Тот обмяк и отключился.

Сазонов осмотрел рану на ноге – кровь продолжала вытекать из тела. Пуля застряла внутри. «Чёрт с ней, – подумал он. – Прочнее буду.» Он надорвал грубую ткань штанины вокруг раны, извлёк из кармана куртки маленький алюминиевый баллончик, снял колпачок, надавил на головку. Телесного цвета жидкость, распыленная под давлением, заполнила рану и мгновенно застыла, закупорив выход крови и практически превратив поверхность кожи в монолит. Девочка на кровати удивлённо уставилась на Алекса.

– Класс! – сказала она, подразумевая то, что только что проделал Сазонов, и добавила. – ...Ты меня не убьёшь?

Алекс спрятал баллончик в карман.

– Если будешь себя хорошо вести.

– Хочешь меня? – она улыбнулась, провела язычком по губам и призывно раздвинула ножки.

– В следующий раз...

В прихожей раздался звонок.

– Иди открой, – сказал Сазонов, – и не вздумай фокусничать – я не промахнусь. Впустишь его и сразу закроешь дверь.

Она пошла впереди, он – сзади.

В прихожей появились два новых человека: один – лысоватый старикашка среднего роста в длинном, до пят, сером плаще, другой – высокий, молодой, коротко стриженный в кожаной куртке и зелёных спортивных штанах, его телохранитель.

Как только девушка заперла дверь, Алекс, подобно приведению, тоже возник в прихожей с «хельмутом», крепко зажатым в руке. Старичок и телохранитель немного растерялись. Алекс произнёс:

– Только без глупостей. Аккуратно выньте руки из карманов. Оба.

Они повиновались.

– А теперь Борис Михайлович расскажет мне подробности об Алексее, – Сазонов придал своему лицу улыбающееся выражение.

– Что тебя интересует? – спросил шеф.

– Почему ты должен был испугать его?... Ну же!

– Так пожелал заказчик. Он предложил крупную сумму в валюте. Оплата осуществлялась долларами.

– Причина?

– Настоящей причины я не знаю. Тот, кто обсуждал со мной условия, был лишь посредником. От меня требовалось

выполнить работу и получить расчёт.

– Кто нанимал тебя?

– Высокопоставленное лицо из местного КГБ, точнее, из Службы Безопасности. Если тебе нужно имя, я могу его назвать. Однако, боюсь, он сам толком не знает всей информации. Правда, он намекал, что за ним ещё кто-то стоит. Этот человек из СБ предоставил в моё распоряжение папку с личным делом Алекса Сазонова, где упоминались многочисленные сведения из его личной жизни. За ним велась слежка.

Туман рассеивался. Недостающие звенья можно было уже додумать без подсказок.

– Снимай штаны, – Сазонов обратился к телохранителю шефа, – они мне впору.

Телохранитель посмотрел на Бориса Михайловича, дескать, свихнулся парень что ли. Шеф кивнул, мол, выполняй. Под штанами у него оказались смешные пёстрые трусы с цветочками. Вид у телохранителя без штанов был комичный.

– Конечно, по хорошему надо бы тебя, – Сазонов глядел на шефа, – гниду паскудную, на тот свет отправить, чтобы не смердел, но это для тебя слишком просто и легко, поэтому помучайся, как твои жертвы мучались, почувствуй боль.

«Хельмут» выплюнул свинец в обе ноги Бориса Михайловича.

– Это тебе за Наташку, – сказал Алекс.

Ещё одна пуля угодила в ногу телохранителя.

– И тебе от меня подарочек. Ты же всё-таки телохранитель.

Голая девочка, находящаяся тоже в прихожей, завопила из-за боязни, что и ей что-нибудь достанется напоследок. Однако Сазонов не обращал на неё внимание; он стащил свои синие исковерканные джинсы, натянул целёхонькие спортивные штаны. Шеф и телохранитель, лёжа на ковре, грязно матерились. Шеф орал:

– Ты – покойник! Я тебя из-под земли достану! Ты у меня будешь кровью блевать!

Алекс навис над ним:

– Заткнись, падаль! Накаркаешь на себя беду! Скажи спасибо, что я тебе яйца не отстрелил. А меня убить невозможно, потому что я не человек. Знаете, кто я такой? Никаких родственников у Алекса действительно не было и нет, тот урод из КГБ не ошибся. Алекс Сазонов – это я!

Девочка перестала дрожать, Борис Михайлович замолчал, у телохранителя глаза вылезли из орбит.

– Не советую преследовать меня, – сказал Алекс, – в следующий раз не помилую.

Его больше не волновали обитатели и гости двухсот восемнадцатой квартиры. Он ушёл, хлопнув двумя дверями вместо прощания...

Сазонова выдавили из переполненного автобуса в центре города, как из тубика зубную пасту. Ступив на тротуар и увидев, во что превратилась его куртка после поездки –

верхняя пуговица отлетела, накладной карман надорван —, Алекс обнаружил, что у него пропал бумажник с деньгами. Паспорт, лежавший в кармане рубашки, к счастью, не исчез. Алекс рассмеялся: «Узнаю тебя, Россия! Обокрали «скви-за», а я даже не заметил!»

Пересекая запруженную народом площадь, он с интересом смотрел на изменения. С тех пор, когда он последний раз был здесь, центральная улица города преобразилась до неузнаваемости. Грязи практически не стало, а старый разбитый асфальт сменила новая цветная плитка, выложенная узорами. На каждом шагу встречались симпатичные коммерческие магазинчики, пестрящие яркой рекламой. И Алексу на минуту показалось, что он находится где-то в Европе, в одном из сытых и благополучных европейских городков. Однако стоило ему только свернуть с центральной улицы в переулок, как уши совковости вылезли снова: серые неказистые дома, загаженные пешеходные дорожки, изрытая ямами проезжая часть. Контраст был разительный. Тут же Алекс увидел ободранного черномазого нищего, копающегося в мусорном баке, что-то из него достающего и сразу съедающего. Когда Сазонов вернулся на центральную улицу, к нему подошёл розовощёкий человек с томиком библии в руке.

– Вы знаете, что Христос умер за вас две тысячи лет тому назад? – спросил он.

– Серьёзно? – вопросом на вопрос ответил Алекс.

– Он умер, чтобы вы оценили его страдания, чтобы прониклись к нему любовью, чтобы возблагодарили его за учение. Иисус умер, чтобы вы сегодня отвернулись от суеты сует и обратились к богу.

– А вы знаете, что библия, согласно книге рекордов Пеннисса является бестселлером – самой продаваемой книгой в мире?...

По-видимому, розовощёкому этот факт не был известен, потому что рот у него странным образом перекосялся.

– ...Так что у вас и таких как вы здорово получается заколачивать на религии звонкую монету.

Розовощёкий пробормотал:

– Ведь я, собственно...

И испарился.

Денег на покупку библии у Алекса не было. Как не было денег и на обратную дорогу. Двигаясь по центральной улице города, он выбирал подходящее коммерческое заведение, пока не нашёл нужное.

У входа в полуподвальное помещение с вывеской «Игральные автоматы» сидел на стуле мужчина, играющий в компьютерную игру под названием «Стена». Плоская коробочка в его руках издавала электронные звуки, а он нажимал на кнопки. Он складывал кирпичную стену, и у него получалось. Мужчина не обратил на Сазонова никакого внимания. «Видимо, увлечённый игрой охранник», – спускаясь по ступенькам вниз, подумал Алекс. В зале людей было мало. Иг-

ральные автоматы гудели, пощёлкивали, мигали разноцветными огнями и своим видом создавали обстановку, напоминающую центральный пост управления каким-нибудь ракетно-космическим комплексом. Сазонову понравился чисто электронный автомат.

Игра заключалась в том, чтобы в трёх окошечках с меняющимися картинками сразу выпали три «джокера». Теоретически вероятность была мизерная. Алекс настроился на игру. К кнопкам он не притрагивался при этом. Автомат ожил, и в окошечках замелькали картинки. Сазонов нашёл первого «джокера», оставил его в первом прямоугольнике. Потом проделал то же самое со вторым «джокером». Когда третий «шутник» появился в окошечке, автомат лязгнул и высыпал в приёмный лоток целую горсть пластмассовых жетонов. Алекс рассовал по карманам выигрыш и принялся терзать машину снова. Он успокоился только тогда, когда полностью опустошил содержимое электрического шкафа. Сазонов уловил любопытные и даже восхищённые взгляды людей, безрезультатно играющих здесь же.

Обменяв в кассе жетоны на пухлую пачку рублей, он сказал самому себе: «Ну вот, теперь мне хватит на билет до столицы. И у меня есть ещё достаточно времени, чтобы успеть вернуться и присоединиться к своей экскурсионной группе, отбывающей послезавтра вечером в Лондон».

Он вышел из зала игровых автоматов, настроился на волну радиостанции «Маяк» и, не спеша, побрёл на железнодоро-

рожную станцию.

Он попробовал вытащить левую ногу. Ничего не получилось – обе ноги были придавлены плитой. Он упёрся руками в пол и что было силы потянул тело на себя. Бесполезно! Тогда он саккумулировал всю мощь, сидящую внутри, и снова рванул.

Что-то треснуло, лопнуло, заскрежетало, однако ноги стали выползать из-под чудовищного пресса. Сквозь инфракрасные линзы он увидел, в каком они плачевном состоянии: штанины вместе с кожей слезли чулком; жидкость, имитирующая кровь, выливалась, булькая; металл местами слегка деформировался. Тем не менее, когда он полностью выдернул ступни, разумеется, без его любимых кроссовок фирмы «Кубок», и проверил работоспособность нижних конечностей, ноги действовали нормально, гидравлика, которую он сам изобретал, не подвела. Встать не представлялось никакой возможности, он находился как бы в бетонной могиле, имеющей свободное пространство в треть его роста высотой. Можно было только постараться, подобно жуку, прокопать себе проход в куче обломков. «Хорошо, что мне не нужен воздух, – подумал он, – а то бы уже давно задохнулся!»

Он начал разгребать завал, двигаясь наугад. Самое скверное заключалось в том, что временами совершенно пропадало изображение, и сознание погружалось в абсолютный

мрак, в котором периодически вспыхивали какие-то странные искры. Раньше он такого явления не наблюдал. «Не иначе есть повреждения в глубинах тела. Всё из-за этой плиты. Ведь основной удар пришёлся в живот. Электроника, наверное, замыкает», – предположил он. Перемещаясь по сложной траектории, он лез туда, куда получалось лезть. Неоднократно упирался в непробиваемые тупики, приходилось возвращаться назад, искать другую дорогу. Кожа на пальцах рук не выдерживала, рвалась, обнажая отшлифованную сверхпрочную сталь. В какой-то момент ему показалось, что вместо того, чтобы стремиться вбок и вверх, он углубляется вниз. Он потерял ориентировку, запутался в месиве из штукатурки, камней, осколков стекла и ещё бог знает чего. Он уже стал сомневаться, что когда-нибудь вообще выберется на поверхность, когда отодвинув в сторону деревянную обуглившуюся доску, обнаружил за ней выход из гробницы.

Он протолкнул тело вперёд, свалился в мутную лужу. Встав на ноги и переключив зрение на нормальное, осмотрелся. Вид вокруг него напоминал скорее преисподнюю, чем что-то реальное. Здания с пустыми глазницами окон, с почти кое-где до фундамента разрушенными стенами, без крыш, горбато торчали среди гор исковерканных останков. Тот дом, в котором он до этого был, и который примерно пару часов назад назывался библиотекой, испускал чёрный густой столб дыма. Там что-то интенсивно горело. «Книги», – подумал он.

Свитер и то, что осталось от джинсов, после путешествия под землёй превратились в настоящие лохмотья. Изпод разодранных мускулов на груди выглядывали окуляры второй пары глаз, спасшие его на «Осаке», когда к чёрту снесло башку. Если бы его сейчас увидел кто-то из людей, то тот оторопел бы. Но никого нигде не было. Он выбрался из лужи, оторвал куски оболочки, мешающие идти, пошёл, сам не зная куда.

Обрывки водопроводных и канализационных труб, крошево из мраморной плитки, кафеля, черепицы, кварца, кирпича, искорёженные предметы, назначение которых лишь смутно угадывалось, пыль и грязь, нагромождение каких-то непонятных изуродованных механизмов – вот, что встречалось на пути.

Он шёл и шёл, а пейзаж не менялся. Те же развороченные дома, те же заваленные мусором улицы, на улицы совершенно не похожие, порой абсолютно непроходимые. Небо было свинцовое, кое-где – тёмно-синее до почти чёрного. Впереди что-то горело. Он приблизился. Какая-то бесформенная шипящая масса. «Где же люди? – подумал он. – Неужели все погибли при землетрясении?» Опасаясь воздействия высокой температуры, он быстро обогнул горевшее, но, пройдя несколько шагов, обернулся. С краю, в уже тлеющем месте, он уловил фрагмент костей руки человека. Он вдруг понял, ЧТО это горит. По общему объёму там было не меньше пяти-семи человек, хотя, может быть, и больше.

Он пошарил в эфире. Ни одна радиостанция не работала! Эфир был пуст, лишь щелчки и помехи. Он подключил телеприёмник – в глазах возникла картинка включённого экрана телевизора, у которого отсутствовала антенна. «Странно, – озадачился он, – вероятно, я серьёзно испорчен.» Однако где-то в закоулках ячеек вкрались сомнения. И чем дальше он продвигался, тем подозрения становились сильнее.

Город он знал плохо, поэтому не имел чёткой цели в конце пути. Он просто хотел разобраться, что произошло, и какие последствия получились в результате. Он блуждал по бесконечному лабиринту довольно долго. К сожалению, его наручные часы потерялись где-то в библиотеке, а хронометр внутри тела почему-то не был предусмотрен, и время приходилось определять ориентировочно. Справа и слева что-то опять дымилось, но он не пошёл выяснять, что это такое. Эфир по-прежнему безмолвствовал. Ни одна живая душа не попадалась на дороге. Не было слышно ни плача, ни вопля. Он всячески отгонял от себя мысль, которая всё прочней и прочней укоренялась в мозгу. «Слишком страшно, чтобы в это поверить. Слишком жестоко и несправедливо. Слишком жутко», – думал он.

Неожиданно перед ним предстала река. Река, ещё вчера искрившаяся на солнце, катившая свои зеленоватые воды в море, сегодня казалась мёртвой и мрачной, она парила. Вода была грязно-пепельного цвета, как от сажи и копоти, носящихся в воздухе и оседающих на ней, так и от отражающе-

гося аспидного неба. С левой стороны высился мост, точнее то, что от него осталось – из воды торчали сваи, разорванные рельсы неестественно выгибались, обгоревший локомотив и четыре пристёгнутых к нему вагона образовывали цепочку, один конец которой размещался на мосту, другой уходил на дно реки. Вид у вагонов и локомотива был ужасный.

Он решил пойти направо, вдоль реки, здесь почти не было завалов, мешающих нормальному ходу. Радио– и телестанции не подавали никаких признаков жизни. Человеческих существ, а также движущихся объектов не просматривалось, несмотря на то, что он всякий раз менял увеличение, заглядывая во все подозрительные места.

Он попробовал связаться со спутником. Линия функционировала! В его мозгу, не в голове, а там, внутри тела, имелся небольшой банк данных с телефонными номерами своих знакомых. Он позвонил в Россию, Японию, потом в Канаду и Аргентину. Везде молчали! Он набирал цифры снова и снова, опять и опять. Никакого ответа!

«Разве такое возможно?! Я не могу постичь смысла в случившемся! То, что свершилось, самая громадная глупость, сделанная людьми! Самоубийство! Как они пошли на это? Ведь оно не свойственно человеку! Кто начал первым? Теперь не определишь, просто некому определять. Да и какая разница, чья ракета взлетела раньше: русская, американская, китайская, корейская или арабская?! Что толку, если сначала надавил на кнопку Бен Гаден или президент Соединённых

Штатов?! Кому стало лучше? Кто победил? Победил холокост! – подумал он. – Войну развязал, конечно, конкретный человек, с именем и фамилией, но были и те, кто подталкивали его к этому безумному шагу, такие же маньяки, как и он, и были те, которые спокойно ждали, когда, наконец, он решится, чтобы самим поучаствовать в бойне. Поэтому главы государств, обладающие дичайшим правом распоряжаться чужими жизнями, воспользовались шансом походить с ума.

Нельзя считать только Гитлера единственным автором второй мировой войны, правительства других стран планеты, преследующие свои корыстные преступные цели или сохраняющие нейтралитет, не менее его виноваты в её возникновении. Однако игры с ядерным оружием заканчиваются всеобщей смертью. Кто оказался в выигрыше? Кучки подонков, сидящие в бункерах на разных континентах, не знающие теперь, хватит ли им еды, кислорода и водки, чтобы дождаться того момента, когда им будет можно вылезти на поверхность без антирадиационного костюма и противогаза, заменившие себе солнечный свет на лампы дневного света, наполненный запахами воздух на затхлую атмосферу подземелья? Сгорело всё живое: люди – дети и взрослые, мужчины и женщины, чёрные и белые, верующие и атеисты, дураки и умные, честные и лживые, смелые и трусы, евреи и истинные арийцы, коммунисты и националисты, карлики и гиганты, нищие и богатые; сгорели птицы, животные, насекомые,

те, что плавали, бегали, летали; сгорели деревья, кустарники, трава. Зачем они это сделали?! Ведь каждый знал, что в случае если разразится третья мировая, атомная война, победителей не будет, однако они допустили всеожжение!»

Его цепкий взгляд уловил неясное движение. Ближе к Темзе, на набережной, что-то слабо шевелилось. Он направился туда. Сперва он даже не понял, что это. Что-то обожжённое, большое, в крови, но, главное, живое, возникло перед объективами. Это был ворон. Вернее то, что несколько часов тому назад называлось вороном. Взрыв поджёг оперение и сбросил птицу на землю. Ворон не кричал, не стонал, он просто дрожал от боли, пытался взмахнуть крыльями и не мог. Жить ему оставалось недолго. Ворон повернул голову, всю в ожогах и сгустках запёкшейся крови, в сторону подошедшего, посмотрел ему прямо в глаза, как бы спрашивая, ты, человек, самое умное существо в мире, зачем ты это сотворил? Алекс не выдержал укоряющего взгляда птицы. Если бы он умел плакать, он бы, наверное, заплакал. «Нет воронов, нет Британии», – печально подумал он.

Он отправился дальше. Впереди всё видимое пространство было окутано густым чёрным дымом, близлежащие дома горели особенно сильно. Об аллее из деревьев напоминали лишь крючковатые пни, встречавшиеся на пути через равные расстояния. Он вошёл в плотное облако дыма. Куски копоти попадали на линзы, поэтому ему постоянно приходилось их протирать. Видимость была отвратительная. «Гос-

поди! – подумал он. – За что ты наказал бестолковых детей своих?! Да, они были грешниками, это верно, но разве не было среди них невинных душ, чистых и незапятнанных скверной? Почему ты всех уравнил?!»

Сквозь постепенно редющий чёрный дым он вдруг различил нечто высокое и величественное. Он прошёл ещё дальше, чтобы получше рассмотреть. Теперь стена из копоти и сажи оказалась у него за спиной. «Чёрт возьми! Не может быть! Невероятно!

Мистика какая-то!» – невольно воскликнул он, задрав голову вверх. Прямо перед ним стояла прекрасная старинная башня с часами. И что удивительно, в отличие от апокалиптического хаоса, окружающего её, башня была абсолютно целёхонькая, как будто атомная война её вовсе не касалась, и ей не было никакого дела до происходящего вокруг. Но самое поразительное заключалось в том, что часы на башне шли и показывали время – без четверти три. Башню эту он хорошо знал. Её изображение было известно большинству людей, живших на земле. Это был знаменитый Биг Бен, Большой Бенджамин!

Если бы он не разучился удивляться, то он был бы ошеломлён. И здание парламента позади башни, и автомобильный мост рядом с нею, попавшие в зону взрыва, были разрушены и сожжены. Двухэтажный омнибус, находящийся буквально в десяти метрах от неё, был похож на пустую измятую консервную банку, к тому же побывавшую в костре. «Что за

дьявол?! – подумал он. – Чудеса да и только! Я не верю своим глазам!»

Он перестал понимать ситуацию. Если его новое тело, все те неправдоподобные для постороннего события, которые с ним случились, включая армагеддон, мало-помалу приобретали статус чего-то конкретного, пусть и из ряда вон выходящего, но более-менее логичного, то стопятидесятилетний, ничуть не затронутый бомбой Биг Бен, торчащий, как член, среди уничтоженного города, поставил его в тупик. Он был в замешательстве. Башня с часами не вписывалась ни в какие объяснимые рамки. Он, не отрываясь, рассматривал её, то приближая изображение, то удаляя, не находил ответа, почему она не развалилась при мощном взрыве, и спрашивал сам себя, а не чудится ли мне она?

Неожиданно снова начались неполадки со зрением. Картинка то совсем пропадала, то появлялась вновь, то теряла цветность, и временами он видел Большого Бена в чёрно-белом варианте. Он попробовал переключиться на дополнительную пару глаз. Обзор, естественно, ухудшился, однако качество картинки не улучшилось, наблюдались те же эффекты. «Всё-таки, видимо, есть повреждения в схемах», – подумал он.

Между тем небо ещё сильнее потемнело. И с высоты, кружась, стали падать хлопья чего-то чёрного и липкого. Интенсивность их падения достигла такого количества, что через минуту его с головы до ног облепило чёрной слизью.

Он растёр пальцами комочек. Это был снег, чёрный снег. Снег летом! Придав ландшафту более траурный оттенок, снег внезапно прекратился, словно кто-то наверху резко закрыл кран.

«Способны ли «сквизы» сходить с ума? – задал он себе вопрос. – А почему бы и нет? Сходят же с ума электронные машины. Мощные электрические поля могут меня вывести из строя так же, как любое напичканное платами запоминающее устройство. Кроме того, Майкл Саймон Третий сказал, что «сквизы», увезённые на атолл Шэйк, не выдержали ядерного взрыва. И хотя я не подвергся прямому воздействию атомной бомбы, частичное воздействие на меня было оказано. Поэтому, не исключено, что то, что я вижу, – плод моей фантазии, вызванной какими-то глубинными нарушениями внутри моего тела.

А может быть, реальность закончилась операционным столом в лаборатории на борту ракетного крейсера «Осака»? И я в настоящий момент всё ещё лежу там с «трансскви́зером», присосавшимся к черепушке? А может быть, действительность прекратилась с моим падением вместе со стулом и чертёнком Дэмом в кабинете президента Драббаха? Я тогда ударился затылком об пол и потерял сознание, и произошедшее после этого – лишь результат сотрясения мозга? Или, может быть, я просто заснул на кровати рядом с обворожительной живой Натали после бурно проведённой с ней ночи, наполненной вином, сексом и наркотиками? Кто знает, что

есть явь, а что сон? Может быть, вся история человечества – чей-то сон, прекрасный и кошмарный одновременно? Сон одного или миллиардов существ из другой галактики, другого измерения, другого, параллельного мира, удивительного, непонятного?

Как проверить, сумасшедший я или нет? Снится мне окружающее или не снится? Умножить два на два и узнать, сколько будет в итоге? И если получится четыре, то тогда всё о'кей, я – нормальный? Нет, по-видимому, золотое правило для «сквиза» аналогично золотому правилу для человека. Оно будет звучать следующим образом: если сумасшедший «сквиз» говорит, что он сумасшедший, значит он не сумасшедший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.